

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 3.
МАРТЪ
1912 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ VII

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Безобразова М. С. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Большаковская О. А. „Напѣлъ“. Стихотворенія. 40 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. заведеній и для учен. библ. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Егоровъ Л. И. „Исторія воздухоплаванія“. Съ рис. Цѣна 25 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библ. низшихъ учебн. завед.

Кондурушкинъ И. С. „Въ деревнѣ“. Разказы и сказки. Съ рисунками. Цѣна 25 к.
Карроль Льюисъ „Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ“. Переводъ съ англійск. Анегто. Съ рисунками. Цѣна 1 р.

Лондонъ Джозъ. „Бунтъ“. Исторія одной собаки. Переводъ съ англ. Н. Манасеиной. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ перепл. 75 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библ. низшихъ училищъ.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи. Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для III—V классовъ.*

Малахѣева-Мировичъ В. Г. „Золотой домъ“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Манасеина Н. И. „Разказы для дѣтей“. Со многими рисунк. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. млад. возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученич. библ. средн. учебн. завед.

Манасеина Н. И. „На Рождествѣ“. Три разказа. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. млад. возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библ. низш. училищъ и признано заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народн. читал. и библ.

Допущено въ ротныя библ. кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манасеина Н. И. „Мамино дѣтство“. Разказъ изъ институтской жизни. Съ рисунк. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученич. библ. средн. учебн. заведеній и допущено въ ученич. библ. городскихъ училищъ.

Манасеина Н. И. „Овсянки“. Пять разказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библ. низшихъ училищъ и признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученич. библ. средн. учебн. заведеній.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младш. класс. ср. уч. зав. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Полыановъ В. П. „Воронь.—Индѣйцы“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Императрицы Маріи.*

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библ. низшихъ учебн. завед.

1912 годъ.

Мартъ № 3.

ЖУРНАЛЪ
ТРОПИКЪА.

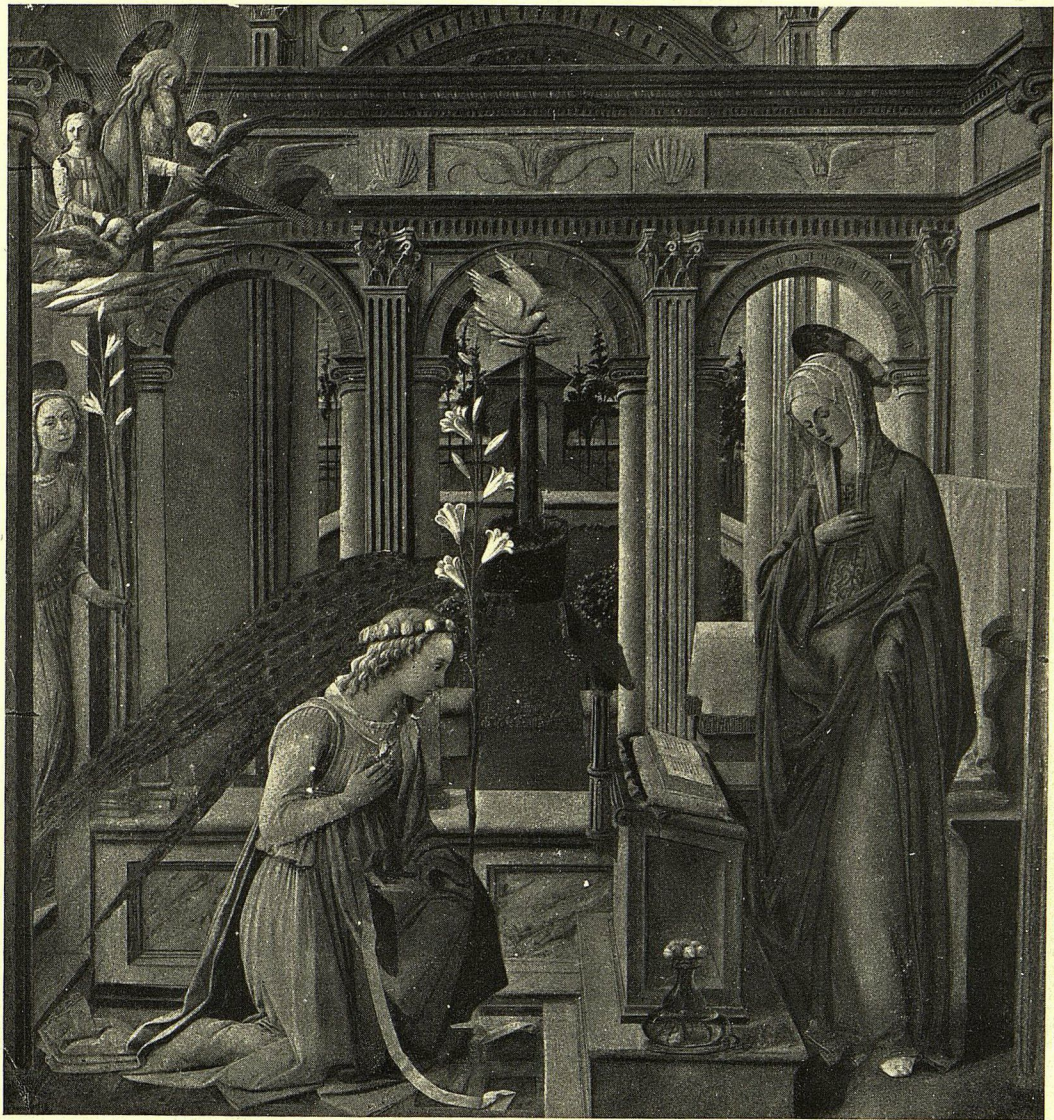
AM - 4/6

Содержаніе.

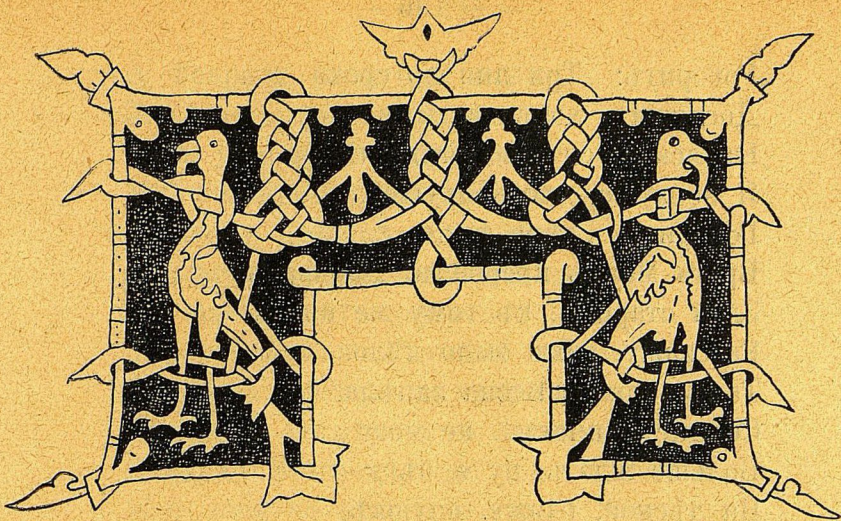
1. Благовѣщенье—картина *Фра Филиппо Липпи*.
2. Непутевый (народный сказъ)—*П. Соловьевой*.
3. Цвѣтоносный день—*Н. Манасеиной*.
4. На вершину Арарата—*А. Лоудисъ*. (Продолженіе).
5. Съ вербы—разсказъ *Е. Родіоновой*.
6. За счастьемъ—съ итальянскаго *Е. Владиміровой*. (Продолженіе).
7. Астрономическія карты—*А. Лоудисъ*.
8. Историческій календарь.
9. Обо всемъ понемногу.
10. Умная голова—рисунокъ *В. Каррика*.
11. Вѣсти отовсюду.
12. Игра въ подборъ словъ.
13. Орѣховыя глазища—*В. Каррика*.
14. Смѣшныя Картинки.
15. Задача № 1.
16. Загадки.
17. Загадки и ребусъ читателей „Тропинки“.
18. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ во 2-мъ №.

Благовѣщенъе.

Картина Фра Филиппо Липпи.

Непутевый.

(Народный сказь).

РАЗЪ весеннею порой
По-за лѣсомъ, подь горой,
Мартъ съ Апрѣлемъ повстрѣчались.
Обнимались, цѣловались.
И заводитъ рѣчь Апрѣль:
„Иль тебѣ твоихъ недѣль
Для работы, братецъ, мало,
Иль терпѣнья не достало
Хоть немного подождать,
Что весеннихъ вихрей рать
Рано такъ тропой дубровой
Ты привелъ? Въ обидѣ кровной
На тебя нашъ братъ Февраль.
Старика ужъ больно жаль:
Плачетъ, огорченъ глубоко,

Говорить: „Три дня до срока
Дослужить хотѣлось мнѣ
Въ ясной, снѣжной тишинѣ.
Я не хуже, чѣмъ другіе“,
Говорить, „дѣла такія...“
Брата Мартъ прервалъ: „Февраль
Злой старикъ, къ тому же враль.
Разскажу, какъ было дѣло:
Тамъ, вдали, Весна запѣла,
Солнце кличетъ... не могу
Больше ждать, ну и бѣгу.
На лѣсной, гляжу, опушкѣ,
Гдѣ въ снѣгу кустовъ верхушки,
Сѣлъ Февраль, и сѣдъ, и строгъ,
И на солнцѣ грѣетъ бокъ.
„Ты чего же раньше срока?“
Говорить онъ мнѣ. „Высоко
Солнце всходитъ“, говорю,
„Ты бы ѣхалъ къ Январю.
У меня работы много.
Собирайся въ путь-дорогу“.
Но, не дуча въ усъ, Февраль,
Водить усомъ, смотреть въ даль.
„Подожди, я поль-недѣли
Отдохнуть хочу. Метели,
Взбейте мнѣ мой пуховикъ.
Утомился я, старикъ“.
Тутъ метели налетѣли,
Закружились, засвистѣли.
И отъ оханья старухъ
Разлетался снѣжный пухъ.

А Февраль, согнувши спину,
Залѣзаетъ на перину.
Тутъ ужъ я не утерпѣлъ:
Мнѣ такъ много разныхъ дѣлъ,
Долженъ я Весну встрѣчать,
А старикъ нашъ вздумалъ спать!
Да еще ворчитъ сердитый:
„Прочь, незванный, уходи ты!
Для чего пришелъ не въ срокъ,
Не даешь погрѣть мнѣ бокъ?
Я служу Зимѣ-царицѣ,
Мнѣ твои не нужны птицы,
Блескъ и плескъ твоихъ ручьевъ.
Уходи, пока здоровъ!“
Я какъ свистну: „Вихри вешніе,
И родные, и нездѣшніе,
Всѣ скорѣе, всѣ ко мнѣ,
Пойте пѣсню о Веснѣ!“
Вихри вешніе примчались,
Всѣ деревья закачались,
Заалѣли ярче зори,
И, журча, другъ съ другомъ споря,
За ручьемъ бѣжалъ ручей.
Крикъ слышался грачей,
И, летя изъ-за границы,
Собирались въ стаи птицы.
Затрещалъ, синѣя, ледъ,
Я же мчался въ ширь, впередъ,
Все быстрѣй, быстрѣе въ даль,
Забывая про Февраль.
А когда я возвратился

На опушку и спустился
На снѣжокъ, гдѣ братецъ былъ,—
Старика и слѣдъ простылъ.
Вотъ, Апрѣль, какъ было дѣло:
Сила вешняя владѣла
Мной въ тотъ часъ, мой милый братъ,
Я совсѣмъ не виноватъ“.
Но, подумавши немного,
Братъ Апрѣль промолвилъ строго:
„Своеволья не терплю.
Сокращать дни Февралю
Не имѣлъ ты вовсе права.
Этакій безумный, право!“
Мартъ сдержалъ свой буйный нравъ
И промолвилъ: „Да, ты правъ.
Мнѣ бъ тогда не горячиться,
Старику бы поклониться,
И ушелъ бы Бокорѣй
Самъ за тридевять морей.
А теперь всѣ недовольны...
Какъ мнѣ стыдно, какъ мнѣ больно!“
И заплакалъ Мартъ дождемъ.
„Ничего, мы подождемъ“,
Утѣшалъ Апрѣль, „не надо
Плакать. Не люблю разлада
Я въ семьѣ, мой милый братъ.
Ты, конечно, виноватъ,
Но Февраль вернется снова,
И тогда ты сдержишь слово:
Дашь ему дожить свой срокъ.
Зло забудетъ старичекъ“.

II.

Годъ прошелъ. Февраль явился,
Январю онъ поклонился
И повелъ рядъ снѣжныхъ дней
Все длиннѣе, все длиннѣй.
Солнце ярко. Солнце грѣетъ.
Отъ деревьевъ тѣнь синѣетъ.
По-за лѣсомъ, на рѣкѣ,
Бродитъ Мартъ невдалекѣ.
Онъ слѣдитъ рѣки извивы,
Срока ждетъ нетерпѣливо,
Шепчетъ: „Я Апрѣль люблю...
Потерплю ужъ, потерплю“.
Двадцать восемь дней прошло.
Чуть морозитъ и свѣтло.
Улыбаясь, утромъ рано
Встало солнце на Касьяна.
Но не ласковъ свѣтъ-Касьянъ:
По снѣгамъ поползъ туманъ,
А изъ сель далекихъ звоны
Доносились, словно стоны.
И, крестясь, вздыхалъ народъ:
„Високосный тяжкій годъ!“
Мартъ услышалъ. „Это что же?
И на что это похоже?“
Крикнулъ онъ. „Я Февралю
Больше дня не уступлю.
Пусть скорѣй уходитъ прочь
Завтра... нѣтъ, сегодня въ ночь!“
Тутъ Февраль зашамкалъ что-то

И про срокъ, и про работу.
Мартъ не слушалъ. Онъ крыломъ
Дыбомъ поднялъ снѣгъ кругомъ
И летѣлъ, надувши щеки,
Буйный, ярый, синеокий.
Свистъ стоялъ кругомъ: „Прочь, прочь,
И сейчасъ же, въ эту ночь!“
Чуть Февраль не задохнулся.
Въ три погибели согнулся
И бѣжалъ скорѣй, скорѣй
Онъ за тридевять морей.
Тутъ Апрель не взвидѣлъ свѣта.
„Мартъ, тебѣ прощенья нѣту!“
Онъ прегрозно закричалъ.
„Ты мнѣ честно обѣщаль
Не являться раньше срока,
Вѣтровъ съ юга и востока
Не сзывать на вешній бѣгъ
И не трогать бѣлый снѣгъ.
Ужъ скажу тебѣ я слово,
Подожди ты, непутевый!“
Мартъ обиженъ очень былъ,
Но обиду проглотилъ
И сказалъ, смѣясь лукаво:
„Ужъ не въ мѣру строгъ ты, право.
Но тебѣ всегда я радъ,
Приходи, мой милый братъ!“

III.

Съ вѣтромъ буйнымъ и дождемъ
Мартъ безчинствовалъ втроемъ

Ровно двадцать девять дней.
На тридцатый сталъ скромнѣй.
Сѣлъ и плачетъ на дорогѣ:
„Охъ, отбѣгалъ я всѣ ноги
И не въ силахъ даже встать,
Какъ же брата мнѣ встрѣчатъ!
Вѣдь, кругомъ вездѣ вода.
Охъ, бѣда моя, бѣда!
Вѣрное то было слово:
Я и вправду непутевый.“
Плачетъ Мартъ. Растаялъ снѣгъ.
Братъ Апрѣль же, какъ на грѣхъ,
Заложивъ лошадку въ сани,
Къ Марту выѣхалъ заранѣ.
Только видитъ—нѣтъ пути.
Началъ дождь сильнѣй итти.
Разлилась вода. Глубоко.
Мартовъ домъ еще далеко.
Мутенъ воздухъ. Позднѣй часъ.
Заплутаешься, какъ разъ.
Возжи крѣпче подобравши,
И не солоно хлебавши,
Повернулъ Апрѣль домой,
Сквозь туманъ и дождь ночной.
Только къ слѣдующей ночи,
Погоняя что есть мочи,
Добрался онъ, наконецъ,
Въ золоченый свой дворецъ.
Мартъ же очень былъ доволенъ.
Позабывъ совсѣмъ, что боленъ,
Началъ пѣть: „Ди-линь-динь-день!

Мнѣ достался лишній день“.
А на слѣдующій годъ
Въ гости брата вновь зоветъ.
Самъ же съ вѣтромъ и дождемъ
Онъ безчинствовалъ втроемъ
Ровно двадцать девять дней.
На тридцатый сталъ скромнѣй,
Прекратилъ свой буйный бѣгъ
И позвалъ послѣдній снѣгъ.
Крупный снѣгъ съ утра валился,
Путь подмерзъ и убѣлился.
Завалило всѣ кусты.
Елей черные кресты,
Какъ, серебряные, стали.
Птицы стихли, замолчали.
Съ вѣтромъ Мартъ въ снѣжки игралъ
И со смѣхомъ повторялъ:
„Путь ковромъ устлалъ я новымъ,
Не хочу быть непутевымъ.“
Братъ же, помня прошлый годъ,
Больше сани не беретъ.
Снарядилъ Апрѣль телѣгу
И поѣхалъ. „Сколько снѣгу
Намело! Ахъ, Боже мой!
Столько не было зимой.“
Конь усталъ, едва шагаетъ,
Въ снѣгъ колеса увязаютъ.
Мутенъ воздухъ. Поздній часъ.
Заплутаешься какъ разъ.
Возжи крѣпче подобравши,
И не солоно хлебавши,

Повернулъ Апрѣль домой,
Сквозь туманный снѣгъ ночной.
Только къ слѣдующей ночи,
Погоня что есть мочи,
Добрался онъ, наконецъ,
Въ золоченый свой дворецъ.
Мартъ же очень былъ доволенъ:
Снѣгъ сметая съ колоколенъ,
Онъ звонилъ: „Бимъ-бомъ-динь-день!“
Мнѣ достался лишній день!“
А на слѣдующій годъ
Въ гости брата вновь зоветъ.
Тутъ Апрѣль къ любимцу Маю
Обратился: „Ужъ не знаю,
Какъ мнѣ съ этимъ Мартомъ быть:
Зазываетъ погостить.
Я поѣхалъ на телѣгѣ
И совсѣмъ увязнулъ въ снѣгѣ,
А поѣхалъ на саняхъ—
Утонулъ, было, въ водахъ.“
Май пригожъ и мыслью свѣтель.
„Не смущайся,“ онъ отвѣтилъ,
Въ этотъ разъ, мой милый братъ,
Не вернешься ты назадъ.
Сядь спокойно на телѣгу
И ступай, а чтобъ по снѣгу
Можно было проѣзжать,
Долженъ ты и сани взять.
Но еще бѣда возможна:
Мартъ, нашъ братецъ бездорожный,
Вскроетъ рѣки на пути.
Ты и лодку захвати.“

IV.

Радъ Апрѣль совѣту брата.
Золоченыя палаты
Покидаетъ на зарѣ
И въ телѣгѣ по горѣ
Ѣдетъ. Конь шагаетъ ходко.
На телѣгѣ сани, лодка.
А съ телѣгой рядомъ тѣнь
Протянулася. Ясный день.
Чуть съ горы Апрѣль спустился,
Вѣтеръ взвыль, снѣгъ закрутился,
И дорога не видна,
И кругомъ—все бѣлизна.
Тутъ и лодку, и телѣгу
Въ сани онъ кладетъ. По снѣгу
Быстро ѣдетъ на саняхъ,
Только кнутъ свиститъ въ рукахъ.
Вотъ глядитъ—теплѣе стало,
Солнце ярко засіяло,
Потемнѣли снѣгъ и ледъ.
Конь усталъ, едва идетъ.
Слышенъ трескъ и скрежетъ льдиный,
И съ горы, вдоль всей равнины,
Засинѣла широка
Полноводная рѣка.
Тутъ Апрѣль телѣгу, сани
Въ лодку ставитъ, какъ заранѣ
Маемъ онъ наученъ былъ,
И по рѣчкѣ внизъ поплылъ.
Мартъ, совсѣмъ не ждавшій брата,

Въ золоченыя палаты
Спать ушелъ. Напала лѣнь
Въ тридцать первый этотъ день.
Вдругъ бѣгутъ лучи, снѣжинки,
Кап-кап-капають дождинки
И лепечуть: „Господинъ,
Погляди-ка вдоль долинь.
По рѣкѣ ладья сверкаетъ,
Вѣтромъ парусъ надуваетъ,
И звенить вдали свирѣль.
Это братецъ твой Апрѣль“.
Мартъ вскочилъ скорѣй съ постели:
„Позабылъ я объ Апрѣлѣ...
Разогнали вы весь сонъ...
Да и какъ проѣхалъ онъ?
Кто ему давалъ совѣты,
Призову того къ отвѣту.“
А за дверью—стукъ-стукъ-стукъ!
„Братецъ Мартъ, пришли мнѣ слугъ,
Чтобъ убрать телѣгу, сани.
И прости, что гость я ранній.
Вѣдь, къ тебѣ я каждый годъ
Ѣду,—только не везетъ.
Путь кончается бѣдою:
Коль въ саняхъ—зальетъ водою,
Коль въ телѣгѣ—снѣгъ и ледъ,
Не пробраться мнѣ впередъ.
Этотъ разъ ночной порою
Вскрылись рѣки подъ горою.
Быть бы вновь мнѣ безъ дорогъ,
Если бъ Май мнѣ не помогъ.“

„Значить, Май давалъ совѣты?
Онъ уменъ, въ томъ спора нѣту...
Да входи же, милый братъ,
Я тебѣ душою радъ.
Накормлю тебя, согрѣю.
Накрывайте столъ скорѣе!
Эй, дождейки, эй, лучи,
Гдѣ отъ погреба ключи?“
Мартъ кричалъ и суетился,
Раздражался, бѣгалъ, злился
И шепталъ: „Вотъ, дайте срокъ,
Маю я задамъ урокъ:
Гдѣ-нибудь ужъ изловлю
Да всѣ крылья оттреплю!“

V.

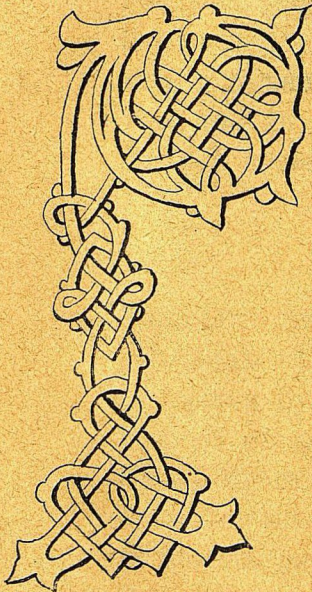
Тридцать дней Апрѣль веселый
Обходилъ лѣса и доли,
Совершая путь земной
Вмѣстѣ съ юною Весной.
Срокъ прошелъ и Май явился,
Онъ Апрѣлю поклонился
И повелъ рядъ ясныхъ дней
Все свѣтлѣе, все нѣжнѣй.
Но сердитъ былъ Мартъ не даромъ.
Онъ дохнулъ морознымъ паромъ
И помчался надъ землей,
Поднимая дикій вой.
Онъ въ безумномъ, буйномъ бѣгѣ
Рвалъ цвѣтушіе побѣги.

„Будешь ты, какъ я сѣдимъ!“
Онъ кричалъ, и снѣжный дымъ
Разстилалъ онъ надъ полями,
Надъ зелеными вѣтвями,
Словно вновь пришла сама
Среброликая Зима.
Но не сдался Май прекрасный.
Снѣгомъ ликъ умылъ онъ ясный
И промолвилъ: „Буйный братъ,
Уходи скорѣй назадъ
И, повѣрь, мои побѣги
Не погибнуть въ краткомъ снѣгѣ.“
Съ той поры Апрѣль всегда,
Дождь ли, снѣгъ ли, иль вода—
Въ гости къ брату приѣзжаетъ.
Мартъ всегда его встрѣчаетъ
Такъ, какъ будто очень радъ,
Что къ нему заѣхалъ братъ.
Самъ же шепчетъ:— „За совѣты
Призову я Май къ отвѣту,
Будешь мной доволенъ ты:
Оснѣжу твои цвѣты.
Гдѣ-нибудь ужъ изловлю
Да всѣ крылья оттреплю!“
И когда въ листьѣ съ цвѣтами
Май проходитъ надъ лугами,
Вдругъ, откуда ни возьмись,
Мчится Мартъ. „Эй, берегись!“
Онъ кричитъ съ безумнымъ воємъ,
„Мы тебя обезпокоимъ...“
И несется вчетверомъ

Съ вѣтромъ, снѣгомъ и дождемъ.
Крыши стонуть, воють трубы.
Надѣваютъ люди шубы
И твердятъ всѣ: „Гдѣ же Май?
Мартъ вернулся невзначай.“

П. Соловьева.

Цвѣтоносный день.

АЗОСПАЛАСЬ не ко времени, царевна-матушка! Хвалилась въ Вербное воскресенье до свѣту подняться, а теперь и не добудисься. Этакъ и „шествіе на осляти“ пропустишь, и вербы санной не увидишь. Подымайся скорехонько!—И толстая, похожая на старый, но крѣпкій грибъ, мамушка потрясла легонько за плечико разоспавшуюся двѣнадцатилѣтнюю Федосьюшку, младшую изъ шести дочерей, оставленныхъ царю Алексѣю Михайловичу первой женою.

Лицо спящей, въ полусвѣтѣ опочивальни, показалось мамушкѣ блѣднѣе, чѣмъ всегда. И плечико, которое она тронула, было такое худенькое, слабое.

— Сиротинка!—вздохнула мамушка.

Но медлить было нельзя. По всѣмъ теремамъ царевны давно уже поднялись. Къ выходу въ Грановитую палату, погля-

дѣтъ „шествіе на осляти“ готовятся. Пойдутъ съ мачихой; молодой царицей Натальей Кирилловной. Не годится Федосьюшкѣ, самой меньшей изъ всѣхъ, послѣдней приходить.

— Батюшка - царь сейчасъ изъ дворца на Красную площадь крестнымъ ходомъ съ патриархомъ пойдетъ, — снова начала она, а царевна только на другой бочекъ перевернулась. Тогда мамушка на хитрость пошла.

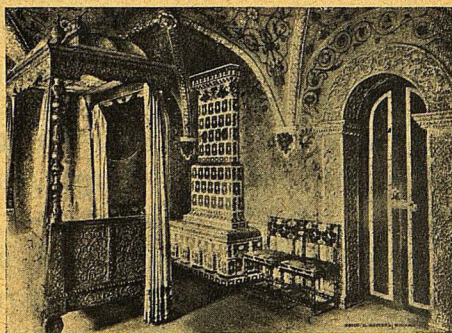
— Ну, что же. Хочешь спать—спи. Я твоему сну не помѣха, — притворно равнодушнымъ голосомъ сказала она.—И одна я на „шествіе“ погляжу, погляжу и все тебѣ

потомъ расскажу: и какая верба была и какой...

Но царевна, откинувъ васильковое тафтяное на бѣлкѣ одѣяло, уже сидѣла на постели.

— Что ты, мамушка!—испуганно сказала она,—да развѣ въ такой день, въ цвѣтоносное воскресенье, я въ пустомъ терему усажу? Да я уже который годъ изъ оконъ Грановитой на вербу гляжу... Еще матушка рѣдная меня съ собой брала... А это что?—вдругъ разглядѣла царевна возлѣ самой постели на полу саночки, обитыя краснымъ атласомъ и золотымъ позументомъ. Посередѣ саночекъ верба, вся въ золотыхъ листикахъ и бумажныхъ цвѣтахъ, а между листиковъ и цвѣтовъ чего-чего только на шелковыхъ шнурочкахъ не повѣшено: и яблочки налива отборнаго, и изюмъ, и орѣхи грецкіе, самые крупныя, и стручки цареградскіе.

Не успѣла царевна разглядѣть всего, какъ слѣдуетъ, а

Почивальня въ теремахъ.

мамушка уже сѣнныхъ дѣвушекъ одѣвать ее кликнула. За сѣнными дѣвушками боярышни-подружки вошли. Одна бросилась царевнѣ чулочки изъ алой тафты натягивать, другая желтые сафьяновые башмачки на высокихъ каблучкахъ подаетъ.

Подаетъ, а сама царевнѣ на ухо шепчетъ:

— Ну, и вербы нынче по теремамъ разнесли! Загля-
дѣнье!

А другая боярышня на другое ухо:

— У царевича Петра Алексѣевича верба всѣхъ краше.

— А ужъ „санная“ то—диво дивное.

— Тысячи двѣ однихъ яблокъ на ней понавѣшено.

— А цвѣтиковъ то цвѣтиковъ: и рожь, и солнешники, и тюльпаны, и гвоздики разныя.

— А ты гдѣ видѣла?

— Сама не видала. Мнѣ сѣнныя дѣвушки сказывали, а тѣмъ братья-дворцовые сторожа. Они сами вербу искали, сами ее на патриаршій дворъ принесли, сами украшенную въ саняхъ на Красную площадь на себѣ отвезли.

Разболтались между собой боярышни, да мамушка во время на нихъ прикрикнула. Спѣшить съ одѣваньемъ надо было, а то и впрямь царевна опоздаетъ.

Не успѣла опомниться Федосьюшка, какъ ей и умыться подали, и мамушка ей волосы костянымъ гребнемъ съ бирюзой расчесала, по плечамъ прядками распустила и жемчужнымъ вѣнцомъ накрыла.

Вышла царевна въ сѣни, что царицыны хоромы отъ царевниныхъ отдѣляли, а тамъ уже сестрицы и большія, и меньшія, и сестры царевы—старыя тѣтки царевны, и молоденькая жена наслѣдника царевича Федора,—всѣ уже въ сборѣ, всѣ одинаково въ шубкахъ золотныхъ, съ бобровыми ожерельями вокругъ шеи, всѣ въ вѣнцахъ золотыхъ съ жемчу-

гами. Съ ними мамушки, боярыни да боярышни въ тѣло-грѣяхъ цвѣтныхъ. Не успѣли всѣ другъ дружку, какъ слѣдуетъ, оглядѣть, не успѣли словомъ перемолвиться, какъ распахнулись расписныя двери, и вышла изъ покоевъ своихъ вторая жена царя, молодая царица Наталья Кирилловна, тоже въ шубкѣ золотной, съ ожерельемъ бобровымъ, только на головѣ, вмѣсто вѣнца, у нея малая золотая корона надѣта.

Надъ царицей боярышни серебряннй солнечникъ поставили. Впереди мамы, съ царевичами на рукахъ, стали. Ничего, что пасынку Натальи Кирилловны, царевичу Ивану, уже десятый годъ пошелъ. Онъ все еще за малолѣтняго идетъ. Здоровье у него слабое, онъ и радъ на рукахъ посидѣть. Съ трехлѣтнимъ царевичемъ - Петромъ, роднымъ баловнемъ-сыномъ молодой царицы, куда труднѣе.

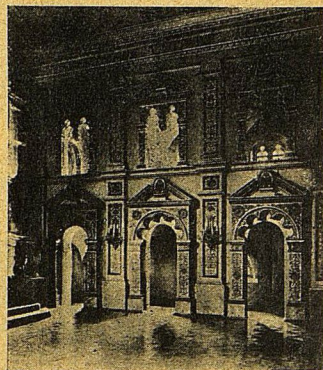
— Не ребенокъ—огонь!—говоритъ мамушка, едва удерживая на рукахъ черноглазаго, румянаго мальчика.

А Наталья Кирилловна смотритъ на своего красавца, не по годамъ рослаго и смышленаго сынишку и говоритъ, улыбаясь:

— Какъ бы не вырвался онъ у тебя, мамушка!

Кабы не цѣпкія руки мамушки, такъ и застучалъ бы царевичъ каблучками своихъ красныхъ сафьяновыхъ сапожекъ по всѣмъ кремлевскимъ сѣнямъ, ходамъ и переходамъ, которыми длинное женское шествіе, медленно и чинно, направляется къ Грановитой палатѣ.

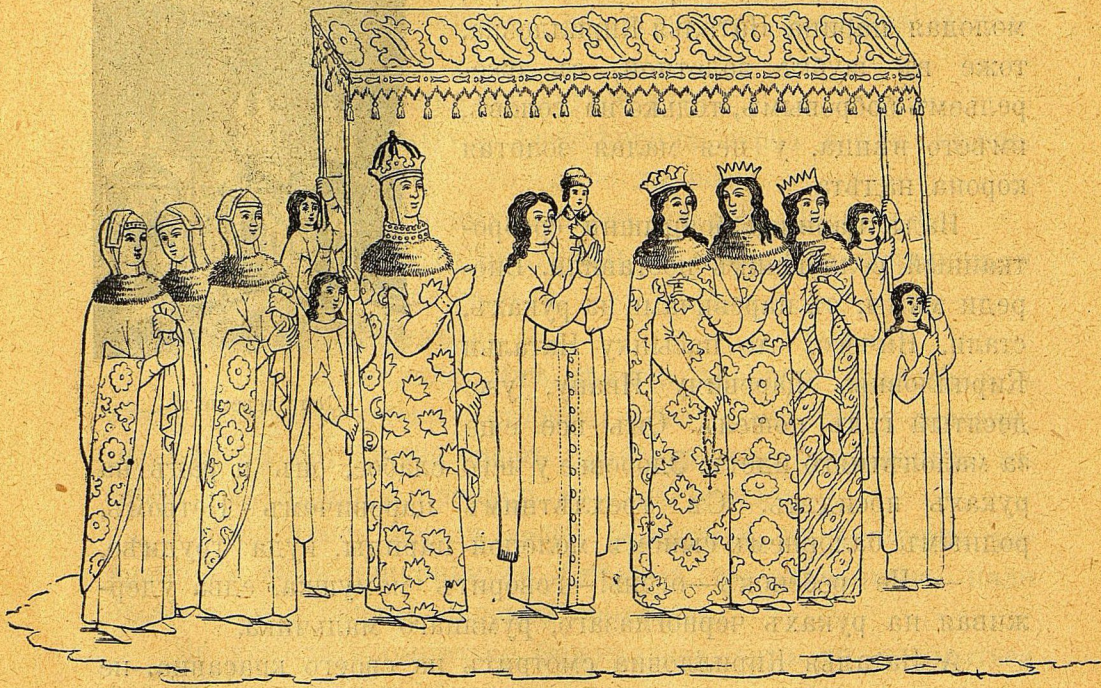
Скучновато и царевнѣ Федосьѣ. И ей хотѣлось бы про-

Сѣни теремовъ.

бѣжаться, а не выступать шагъ за шагомъ. Хорошо еще, что идти не далеко. Вотъ впереди уже и рѣзныя съ позолотой двери Грановитой палаты распахиваютъ.

Въ палатѣ Ѳедосѣѣ уже никуда бѣжать не хочется.

Шествіе царицы съ царевнами.

Каждый разъ, какъ она въ Грановитую попадаетъ, а случается это не часто, всего нѣсколько разъ въ годъ по особо торжественныхъ случаямъ, у царевны сразу глаза разбѣгаются.

Палата огромная, высокая. Такой второй въ цѣломъ дворцѣ больше нѣтъ. По стѣнамъ палаты, да возлѣ окошекъ, да на потолокѣ скатномъ—куда ни глянешь—вездѣ чудеса.

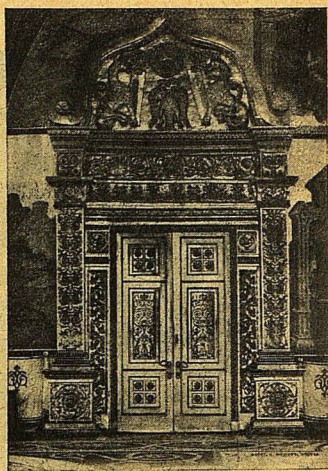
Въ переднемъ углу тронъ государя-батюшки, золотымъ

бархатомъ крытый, стоитъ. Надъ нимъ балдахинъ парчевый, на балдахинѣ башенки золотыя съ орлами. Здѣсь батюшка-государь пословъ иноземныхъ принимаетъ.

Еще перёдъ постомъ Федосьюшка вмѣстѣ съ царицей и сестрицами изъ потайного мѣста наверху, рѣшеткой загороженнаго и тафтяной занавѣской задернутаго, польскихъ пословъ смотрѣла. А только черезъ рѣшетку, да сквозь занавѣску развѣ все разглядишь. Тронъ батюшкинъ,—онъ какъ разъ напротивъ мѣста потайного,—Федосьюшка хорошо видѣла и Бога Саваофа въ облакахъ, окруженнаго силами ангельскими, тоже разглядѣла царевна, а вотъ Адама и Еву, и царя Соломона, и Иосифа, какъ онъ овецъ пасеть, какъ сны ему вѣщіе снятся и какъ братья его продаютъ—всего этого не доглядѣла. Да и не только этого—сверху и князей плохо видно. А у окошекъ, на каждомъ откосѣ по князю великому: и Ярославъ, и Мономахъ съ сыновьями, и Грозный съ сыномъ. Надъ князьями, по сводамъ оконнымъ все херувимы.

Какъ вошли въ Грановитую, царица къ среднему окну, которое прямо на Успенскій соборъ смотритъ, подошла. Подошли къ ней мамы съ царевичами. Сѣла царица въ кресло рѣзное, боярыни ей подъ ноги коверъ-подножіе подослали, а сами за кресломъ стали.

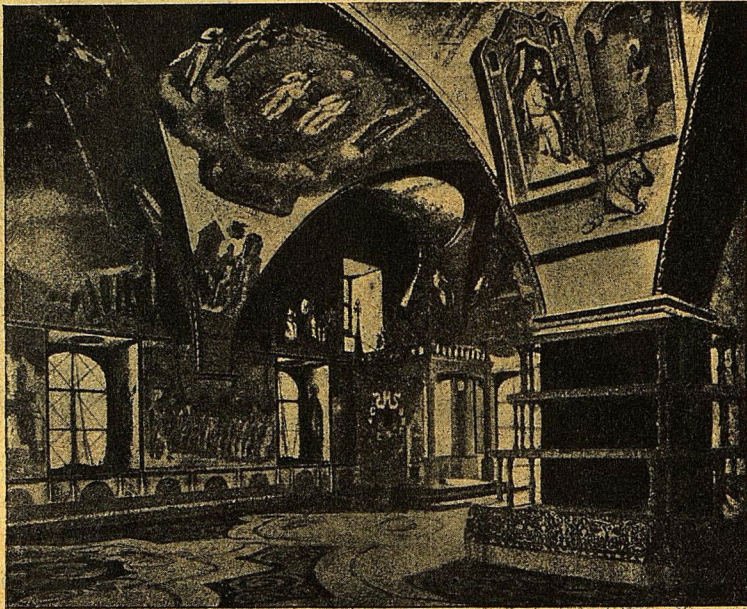
У второго окошка старыя царевны-тѣтки размѣстились. Съ ними молодая, на дѣвочку похожая, жена наслѣдника, царевича Федора.

Дверь Грановитой палаты.

У третьяго окошка всѣ шесть царевенъ стали, и среди всѣхъ шестерыхъ, словно солнышко ясное между звѣздочекъ, царевна Софья красуется. Сѣла между сестеръ, брови густыя нахмурила.

— Черезъ стекла на Божій свѣтъ поглядѣть—и то ра-

Грановитая палата.

достно. Въ теремѣ, сквозь слюду, цвѣтами да травами закрашенную, словно черезъ воду глядишь.

— А воробьи то, сестрицы, какъ расширились! Весна на дворѣ,—шепоткомъ говорить царевна Марья.

На соборной площади подъ окошками ни души. Всѣ ушли за царемъ и патриархомъ съ крестнымъ ходомъ на Красную площадь къ Лобному мѣсту.

— Нарядная верба въ этомъ году больно хороша, говорятъ.

— Такой и не бывало еще никогда.

— Дворцовымъ сторожамъ лишніе лапти за ходьбу пожалованы.

— Ужъ они ходили-ходили по садамъ да по огородамъ московскимъ. Цѣлую недѣлю все вербу искали. Да ужъ и нашли такую, что шестнадцать человѣкъ едва ее на себѣ въ патриаршій дворъ принесли.

— Иноземкѣ изъ нѣмецкой слободы, сказываютъ, столько восковыхъ яблокъ, вишенья да цвѣтовъ для убора заказали, что одна она справиться не могла. Пришлось на подмогу ей еще нѣмца дать.

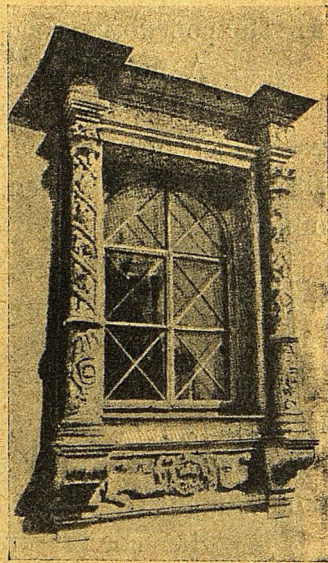
— А только супротивъ Катерины Ивановны развѣ кто можетъ!

— Мастерца она, что и говорить.

— Который, вѣдь, годъ она уборы для санной вербы готовить.

Такъ между собой боярыни переговариваются. Царевны къ ихъ словамъ прислушиваются, да на деревянные мостки, что отъ Спасскихъ воротъ до собора Успенскаго, расписными кадучками съ вербой уставлены, поглядываютъ.

А царевичъ Петръ уже соскучился. Всѣ у царицына окошка, чѣмъ только могутъ, его забавляютъ. Мамушка ему яблочко съ вербы сулитъ, одна изъ боярынь цвѣтиковъ бумажныхъ, другая—стручковъ цареградскихъ. А царевичъ ихъ и не слушаетъ,—на улицу просится: подъ окошкомъ онъ весенній ручеекъ разглядѣлъ. Хочется мальчику его палочкой про-
чистить, чтобы лучше бѣжалъ.

Окно Грановитой палаты.

— Идутъ! Идутъ!—вдругъ всполошила всѣхъ своимъ крикомъ Федосьюшка. Она всѣ глаза на мостки проглядѣла.

А мамушка ей въ отвѣтъ спокойно да такъ вразумительно:

— Въ колоколь, царевна-матушка, ударять, когда пойдутъ. Да и не время еще. Теперь молебень на Красной площади въ Покровскомъ соборѣ идетъ.

— А послѣ молебна и пойдутъ?

— Не сразу, царевна-матушка. Не сразу. Государь здѣсь же въ соборѣ, въ самый большой царскій нарядъ одѣнется. Патріархъ облачится. Тогда вдвоемъ они на Лобное мѣсто пойдутъ.

Повернулась къ мамушкѣ Федосьюшка. Видитъ боярыня, что и другія царевны ее послушать готовы и продолжаетъ:

— Лобное мѣсто бархатомъ-сукномъ разубрали, налой, покрытый зеленой бархатной пеленой, поставили, на него Евангеліе положили. Возлѣ Лобнаго мѣста нарядная верба въ саяхъ стоитъ. Неподалеку отъ вербы—въ бѣлой попонѣ конь-„осля“...

— На „осля“ патріархъ сядетъ, — подсказываетъ Федосьюшка.

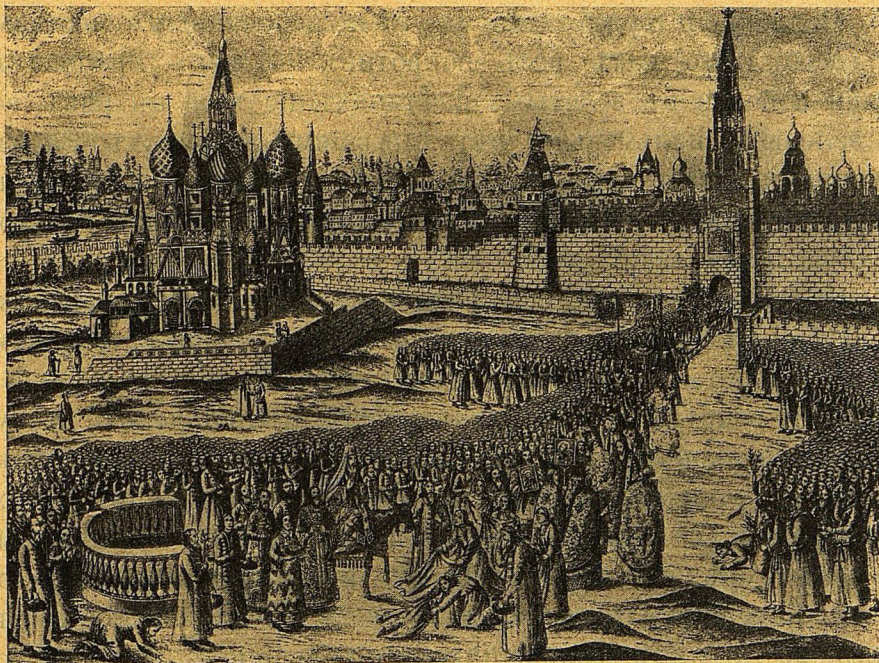
— Погоди, царевна, не слѣши,—опять остановила ее мамушка.—Дай все по порядку сказать.

— Хоть послушать про то, на что своими глазами не поглядишь,—вставила царевна Софья.

Мамушка сдѣлала видъ, будто не слышитъ и продолжала:

— Какъ взойдутъ государь съ патріархомъ на Лобное мѣсто, патріархъ государю пальмовую вѣтвь-ваію подастъ, а потомъ вербу съ черенкомъ, бархатомъ обшитымъ. И боярамъ всѣмъ тоже ваіи и вербы раздадутъ. Потомъ Евангеліе о томъ, какъ Христосъ въ Іерусалимъ на ослиати вѣзжалъ, съ наложь патріархъ прочитаетъ, а какъ кончитъ—подведутъ ему „осля“;

покроютъ его съ головы сукномъ краснымъ, позади зеленымъ, на спину коверъ положить. Сядетъ на „осля“ патриархъ съ крестомъ въ одной рукѣ, съ Евангеліемъ въ другой, а государь возьметъ „осля“ за поводъ и со всѣмъ духовенствомъ,

Шествіе на ослати въ вербное воскресенье въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.

со всѣми боярами поведетъ его въ Кремль черезъ Спасскія ворота.

И на этомъ словѣ мамушкиномъ, вдругъ, какъ ударятъ въ большой кремлевскій колоколъ.

Встрепенулись всѣ у окошекъ, сразу на ноги встали, крестятся.

Первый ударъ всѣ колокола разбудилъ. Зазвонили по

кремлевскимъ церквамъ. Звономъ отвѣтили имъ колокола московскіе, и большіе, и малые.

Словъ не слышно—такое гудѣнье надъ Кремлемъ встало.

— Вербу везуть! Вербу!—вдругъ прорвался сквозь гулъ колокольный звонкій Федосьюшкинъ голосокъ.

Медленно и торжественно идутъ по деревяннымъ мосткамъ къ собору, что какъ разъ напротивъ окошекъ Грановитой, дьяки и бояре въ золотыхъ кафтанахъ по трое въ рядъ, всё съ зелеными пальмовыми вѣтвями-ваями въ рукахъ. За «золотниками» шесть бѣлыхъ лошадей въ саняхъ, на колеса поставленныхъ и краснымъ сукномъ обитыхъ, огромную разукрашенную вербу везуть.

Недаромъ постарались дворцовые мастера и художники. Цѣлую недѣлю надъ вербой въ особомъ сараѣ на патриаршемъ дворѣ хлопотали. Золотили и цвѣтныя краски на перила и столбики вокругъ вербы накладывали, цѣлый день и цѣлую ночь на шелковыхъ шнурахъ яблоки-наливъ, изюмъ, винныя ягоды, стручки царьградскіе, да орѣхи развѣшивали. Однихъ яблокъ двѣ тысячи на вербу пошло, изюму пудъ цѣлый, грецкихъ орѣховъ тысяча. Да еще иноземка, художница великая, Катерина Ивановна сдѣлала 24 тысячи листовъ зеленыхъ, 20 дюжинъ солнешниковъ, тюльпановъ, да по полъ тысячи восковыхъ яблокъ, грушъ, вишенъ, полъ сотни гроздій виноградныхъ въ три цвѣта, лимоновъ, померанцевъ по дюжинѣ. А нѣмецъ, ей на подмогу взятый, звѣздъ изъ мѣди—шумихи понарѣзаль.

Стоитъ верба въ саняхъ, зеленуется. На ней цвѣтики, будто изъ земли только что повыросли. Яблокъ и грушъ румяныя щечки и всякая снѣдь сладкая изъ зеленыхъ листиковъ выглядываютъ, оранжевые померанцы и золотые лимоны красуются.

Всего краше на вербѣ цвѣтъ нарядный, на высокомъ желѣзномъ пруту между другихъ цвѣтовъ посреди саней поставленный. На немъ листики не простые, все золотые и серебряные. А самъ цвѣтъ—всѣмъ цвѣтамъ цвѣтъ. Такіе вѣрно въ небесныхъ садахъ безъ числа, безъ счета распускаются, а на землѣ только къ вербѣ разъ въ году и то одинъ такой расцвѣтаетъ.

Сложила на груди руки Федосьюшка, дыханье въ груди у царевны остановилось.

Верба у самыхъ окошекъ. Яркое солнышко внешнее глаза слѣпить. Золото на кафтанахъ блеститъ. Колокола чистымъ звономъ звонятъ. Райское пѣніе сквозь звонъ прорывается. Мальчики пѣвчіе, всѣ въ бѣломъ, подъ вербой на обитыхъ краснымъ сукномъ доскахъ стоятъ, стихиры цвѣтоносныя поютъ.

— Господи!—шепчетъ Федосьюшка.

А солнышко передъ ея широко раскрытыми глазами уже на золотыхъ окладахъ иконъ играетъ. Духовенство въ цвѣтныхъ облаченіяхъ съ иконами за вербой идетъ. За духовенствомъ самъ царь-батюшка, весь золотомъ залитый, въ большомъ царскомъ нарядѣ, за конецъ повода «осля» ведетъ.

Возлѣ царя-батюшки братецъ Федоръ царевичъ. А на ослѣ—патріархъ въ облаченіи. Въ одной рукѣ у него Евангеліе, въ другой—крестъ. Стрѣлецкіе мальчики по обѣимъ сторонамъ деревянныхъ мостковъ красныя да зеленыя сукна перекидываютъ, подъ ноги государю и патріарху стелятъ; другіе, прежде, чѣмъ ступить на нихъ царь, еще сукно цвѣтнымъ кафтаномъ принакроютъ.

Подошло шествіе къ собору Успенскому и остановилось. Поклонился царь патріарху.

Осѣнилъ патріархъ царя крестнымъ знаменіемъ, а потомъ

въ сторону Грановитой палаты троекратное благословеніе послалъ. Зналъ онъ, что царица съ царевнами у окошекъ стоять.

Сразу стихъ колокольный звонъ.

— Батюшка-царь во дворець идетъ!

Точно испугнутая птичья стая, отлетѣли отъ окошекъ женщины. Не полагалось въ тѣ времена, чтобы заставляли царицу и царевенъ иначе, чѣмъ въ теремныхъ покояхъ. Наскоро выстроились онѣ, какъ по чину полагалось. Боярыни помогли мамушкѣ царевича Петра ухватить. Онъ уходитъ не хотѣлъ. У окошка ему понравилось. Царевна Софья послѣдней на свое мѣсто стала.

— Не охота мнѣ въ дворцовую церковь за занавѣску итти. Лучше бы я обѣдню съ народомъ въ соборѣ отстояла,— сказала она, а старыя боярыни на смѣлыя царевнины слова только сокрушенныя лица сдѣлали да захоли тихонько и заторопились вслѣдъ за поплывшимъ уже впереди солнечникомъ царицы.

Отстояли обѣдню царица съ царевнами въ дворцовой церкви. Послѣ свѣта и простора въ Грановитой палатѣ, тѣсно и темно на привычномъ мѣстѣ за шелковой занавѣсью-запоной показалось. И въ низкихъ тѣсныхъ теремахъ—словно душнѣе и скучнѣе стало.

Бедосьюшка, какъ вернулась въ свою горницу, сразу къ краснымъ саночкамъ съ вербой бросилась. А только, послѣ санной вербы, и сани, и сама вербочка ей уже меньше, чѣмъ утромъ, понравились.

— На ту, съ цвѣтами райскими, еще бы хоть глазкомъ поглядѣть.

И полетѣла царевна къ своей сестрицѣ, первой подруженькѣ, Машенькѣ.

— Марьюшка, — кричить, — бѣжимъ поскорѣй на башенку смотрительную. Оттуда нарядную вербу на соборной площади хорошо видать.

— Катеринушка, — вербу смотрѣть! — закричали царевны, пробѣгая сѣнями.

И всполошилъ этотъ крикъ всѣ терема. Выбѣжали изъ своихъ комнатекъ царевны и большія и малыя, за ними боярыни, дѣвушки сѣнныя. Бросились всѣ за Федосьюшкой на башенку смотрительную.

А мамушка да боярыни имъ въ слѣдъ:

— Тѣлогрѣи захватите, холодно въ сѣняхъ! — Куда тутъ — ихъ и слѣдъ простыль.

На башенкѣ царевны. Отъ бѣга всѣ раздумянулись, задохнулись.

Изъ окошекъ площадь соборная, народомъ покрытая, передъ ними, какъ на ладони, видна. Башенка вся въ стеклахъ. Солнце вешнее, яркое со всѣхъ сторонъ ее такъ и пронизываетъ. Отсюда нарядная верба еще краше.

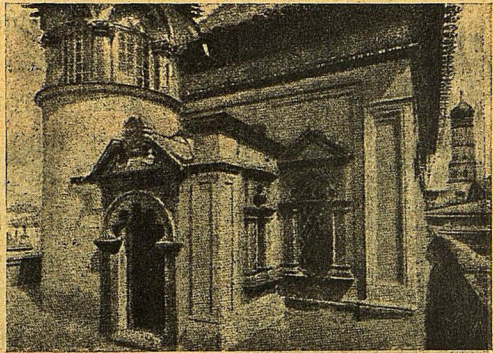
— Красота райская! — шепчетъ Федосьюшка.

— Диво дивное! Ну и верба... Никогда, кажись, такой еще не было, — шелестятъ ей въ отвѣтъ сестрицы.

— Патриархъ, патриархъ изъ собора вышелъ!

Вышелъ патриархъ изъ собора, подошелъ къ вербѣ, отрубилъ отъ нея большой сукъ и пошелъ съ нимъ обратно въ соборъ.

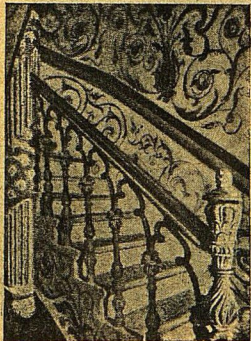
— Святить вербу взяли. Потомъ ее намъ вѣточками по теремамъ разошлють, — говоритъ одна изъ царевенъ.

Смотровая башенка.

И едва она это сказала, какъ на санную вербу, точно голодные воробьи на овсяный снопы, стрѣлецкія дѣти нахлынули и въ мигъ единый всё ея украшенія золотыя и цвѣтныя пооборвали.

— Цвѣтиковъ жалко!—вздохнула Федосьюшка.

Лѣсенка въ теремъ.

На башенкѣ ей сразу что-то холодно показалось. Да и всёмъ не жарко было. Башня нетопленая, во всё окошки дуетъ, а тутъ еще солнышко вешнее, измѣнчивое вдругъ за облако спряталось.

Припустились царевны обратно въ свой теремочки.

Вечеръ подошелъ. Въ терему Федосьюшки мамушка въ серебряномъ шандалѣ яраго воску свѣчи зажгла. Сидитъ царевна за столомъ, на столѣ по золотому полю цвѣты всякіе расписаны. Возлѣ царевны на полу—верба въ красныхъ саночкахъ. Боярышни царевнѣ вербу разбирать помогаютъ. Цвѣтики бумажные мамушкѣ подаютъ, а та ими образъ въ золотомъ окладѣ убираетъ. Сюда же и вербу освященную, ту, что отъ патріарха на серебряномъ блюдѣ прислана, поставили.

Царевна яблочки, изюмъ, грецкіе орѣхи, ягоды винныя— все кучечками раскладываетъ, восковое все отдѣльно, снѣдь всякую особо и по сортамъ. Разложить и всёхъ одѣлять будетъ.

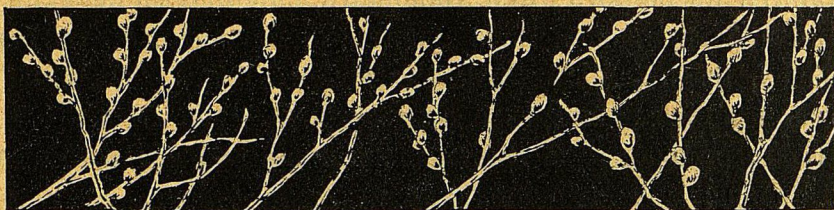
Сѣнныя дѣвушки ручки сложили, вдоль стѣнки рядкомъ стали. Скромницами стоятъ. Губы поджали, глазки опустили, а они изъ-подъ рѣсницъ, какъ мыши, такъ по столу и бѣгаютъ, такъ и бѣгаютъ, всей сладкой снѣди подсчетъ ведутъ, сколько кому достанется яблочекъ, орѣшковъ, изюму—въ умъ прикидываютъ.

— Люблю вербное воскресенье! — говорить царевна Федосьюшка и одѣлаетъ дѣвушекъ сладкой снѣдью.

Щелкаютъ орѣхи на крѣпкихъ зубахъ. Угощаются дѣвушки.

— Ишь насорили! Такъ и хруститъ подъ ногами, — ворчитъ мамушка и велитъ сѣннымъ дѣвушкамъ вывезти изъ царевниной комнаты красныя саночки съ вербой разобранной.

Н. Манасина.

На вершину Арарата.

(Продолженіе).

Однако, еще не скоро мы перебрались черезъ Араксъ. Паромъ переправилъ на ту сторону двѣ наши повозки и только что пришелъ за третьей, какъ на берегу поднялся страшный переполохъ. Мы не сразу могли понять, въ чемъ дѣло. Оказалось, что за версту вверхъ отъ парома курды пригнали къ Араксу на водопой стадо буйволовъ. Буйволы залѣзли въ воду и наслаждались прохладой въ этотъ знойный день. Одного изъ нихъ теченіе подхватило и вынесло на средину рѣки, а за нимъ ринулось и все стадо, головъ въ сто. Верховые курды скакали вдоль обоихъ береговъ и криками старались заставить буйволовъ выбраться на берегъ. Но быстрый Араксъ уже подхватилъ перепуганныхъ животныхъ. Вся масса съ ревомъ неслась мимо парома. Курды

погонщики и даже паромщикъ приняли участіе въ переполохѣ. Конечно, переправу пришлось остановить. Буйволы донесли до ближайшей отмели и тамъ, почувствовавъ подъ ногами дно, постепенно успокоились и выбрались на берегъ.

Пока паромщикъ бѣгалъ съ курдами ловить буйволовъ, паромъ, за которымъ никто не смотрѣлъ, отнесло на средину Аракса. Снова поднялся крикъ: паромщикъ бранилъ погонщиковъ, погонщики паромщика, а паромъ все покачивался на канатѣ посрединѣ рѣки. Наконецъ, паромщикъ перекинулъ ремень черезъ проволочный канатъ, привязалъ конецъ ремня къ поясу, бросился въ Араксъ, въ чемъ былъ, доплылъ до парома и привелъ его къ берегу.

Вотъ, наконецъ, и третья наша повозка оказалась на правомъ берегу; можно продолжать путь.

Опять степь, заросшая травой и кустарникомъ, опять мы переѣзжаемъ черезъ канавы, тревожимъ буйволовъ, дремлющихъ въ придорожной грязи, поднимаемъ стаи утокъ.

— Скоро ли мы доѣдемъ? Надоѣло сидѣть въ этой повозкѣ, — жаловался Григорій Ивановичъ.

— Скоро, скоро, — отвѣчалъ нашъ погонщикъ: — вотъ уже Аралыхъ виденъ.

Дѣйствительно, вдали показались сады и среди нихъ нѣсколько красныхъ крышъ.

— Черезъ полчаса доѣдемъ, — рѣшилъ Коля. Но тутъ произошло нѣчто неожиданное. Мы подъѣхали къ широкой, грязной лужѣ, среди которой блаженствовали три буйвола. Они совсѣмъ погрузились въ черную жижу, и только головы ихъ, съ зажмуренными отъ удовольствія глазами, торчали оттуда. Наши буйволы, конечно, не могли равнодушно смотрѣть на такое счастье и, когда передняя повозка поравнялась съ лужей, оба ея буйвола вдругъ метнулись въ

сторону и со вздохомъ повалились въ жидкую грязь, стараясь улечься поудобнѣе. Хорошо еще, что повозка не перевернулась. Прибѣжали погонщики отъ заднихъ повозокъ, однако поднять буйволовъ не было возможности: погонщики осыпали ихъ ударами и орали такъ, что, кажется въ Аралыхъ было слышно, но буйволы только окунались въ жижу съ головой и пускали пузыри.

— Что же теперь дѣлать?

— Ожидать будемъ, когда буйволъ самъ встанетъ,—отвѣчали погонщики.

— А когда же они встанутъ?

— Скоро, скоро, когда вечеръ будетъ.

Мы чуть не плакали отъ досады. Аралыхъ былъ такъ близко: тамъ ждетъ насъ отдыхъ и ужинъ, а мы должны сидѣть среди степи у грязной лужи и смотрѣть на отдыхающихъ буйволовъ. Мнѣ казалось, что Араратъ кивалъ своей бѣлоснѣжной вершиной и подсмѣивался надъ нами.

— Пойдемте, господа, пѣшкомъ до Аралыха, а кто-нибудь пусть останется съ погонщиками при повозкахъ,—предложилъ одинъ изъ моихъ товарищей.

Но всѣмъ хотѣлось идти, и никто не хотѣлъ оставаться при повозкахъ; бросили жребій: пришлось остаться Григорію Ивановичу. Остальные живо собрались и зашагали впередъ.

До Аралыха оказалось версты три, и мы дошли до него въ полчаса.

Аралыхъ — маленькое селенье на берегу рѣчки Карасу. Въ селеніи находится постъ пограничной стражи, и стоитъ казачій отрядъ. На деревянномъ мостикѣ, перекинутомъ черезъ Карасу, насъ встрѣтилъ казакъ, который проводилъ насъ къ своему офицеру (рис. 6).

Черезъ нѣсколько минутъ мы чувствовали себя, какъ

дома. Два казака хлопотали около громаднаго самовара; поваръ что-то стряпаль на кухнѣ; солдаты-пограничники тащили изъ Карасу свѣжую воду для умыванія. Четырехъ верховыхъ казаковъ офицеръ послалъ на помощь нашимъ погонщикамъ.

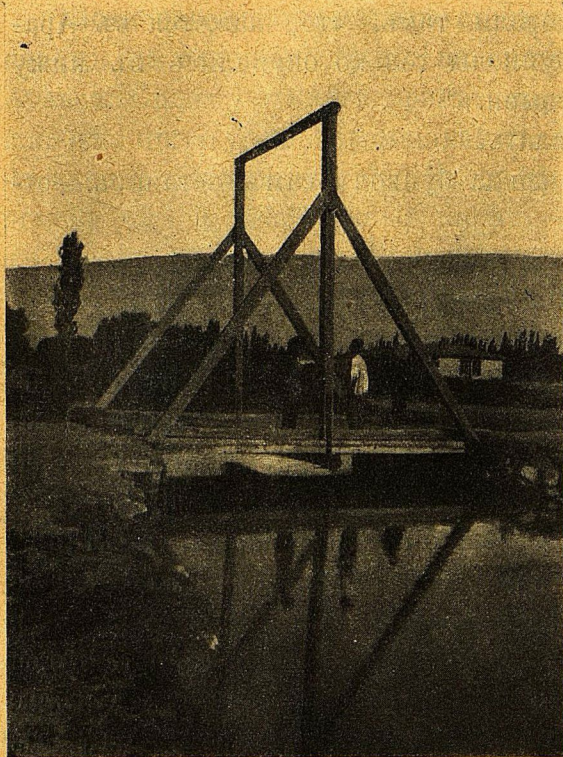

Рис. 6. Мостъ черезъ Карасу.

— Какъ я радъ вамъ, господа, — говорилъ офицеръ: — вѣдь мнѣ такъ рѣдко приходится видѣть кого-нибудь, кромѣ моихъ солдатъ. Расскажите, давно ли путешествуете, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

Мы понимали, какъ тяжело ему жить здѣсь въ этой глуши, одному, и потому старались рассказать ему обо всемъ интересномъ, что случилось за послѣднее время.

Часа черезъ два пришли, наконецъ, наши повозки съ Григоріемъ Ивановичемъ. Мы остались ночевать въ Аралыхъ. Въ казармѣ было душно, у офицера тѣсно, а на землѣ подъ открытымъ небомъ здѣсь не спать; поэтому мы расположились на ночлегъ на громадномъ стогѣ сѣна. Несмотря на усталость, мы долго еще не спали. Яркія звѣзды сіяли

дома. Два казака хлопотали около громаднаго самовара; поваръ что-то стряпаль на кухнѣ; солдаты-пограничники тащили изъ Карасу свѣжую воду для умыванія. Четырехъ верховыхъ казаковъ офицеръ послалъ на помощь нашимъ погонщикамъ.

Мы понимали, какъ тяжело ему жить здѣсь въ этой глуши, одному, и потому старались рассказать ему обо всемъ интересномъ, что случилось за послѣднее время.

Часа черезъ два пришли, наконецъ, наши повозки съ Григоріемъ Ивановичемъ. Мы остались ночевать въ Аралыхъ. Въ казармѣ было душно, у офицера тѣсно, а на землѣ подъ открытымъ небомъ здѣсь не спать; поэтому мы расположились на ночлегъ на громадномъ стогѣ сѣна. Несмотря на усталость, мы долго еще не спали. Яркія звѣзды сіяли

надъ нами, какъ никогда не сіяютъ на сѣверномъ небѣ. Было тихо: въ нѣсколькихъ шагахъ журчала Карасу, слышно было, какъ жуютъ овесъ солдатскія лошади, въ Карасу и на канавахъ заливались лягушки, иногда вдали кричала какая-то ночная птица.

— Однако пора спать,—говорилъ Николай Александровичъ,—вѣдь, завтра насъ подымутъ чуть свѣтъ.

— Заснешь тутъ, когда тебя комары кусаютъ,—отозвался Коля.

Дѣйствительно, раньше мы ихъ не замѣчали; но сейчасъ вѣтерокъ подулъ отъ Карасу, и комаровъ налетѣла цѣлая туча.

Пришлось закутаться съ головой. Мало-по-малу мы за-тихли и заснули.

Проснулся я на разсвѣтѣ отъ холода. Спутники мои еще спали. Хотѣлъ, было, и я, закутавшись потеплѣе, вздремнуть еще хоть полчаса, но взглянулъ на небо и сразу вскочилъ: прямо предо мной среди звѣздъ сіяла яркая комета съ громаднымъ хвостомъ. Я бросился будить товарищей.

— Скорѣй вставайте смотреть комету!

— Гдѣ? Какая комета?

Черезъ минуту всѣ были на ногахъ; только Коля долго мычалъ что-то въ отвѣтъ, а потомъ, повернувшись на другой бокъ, заявилъ:

— Смотрите сами, а я потомъ лучше днемъ посмотрю.

— Да, вѣдь, днемъ ея не будетъ.

Но Коля уже опять храпѣлъ, и мы его оставили въ покоѣ. Проснулись солдаты, спавшіе по сосѣдству.

— Глянь, братцы, что на небѣ видно!

Я рассказалъ солдатамъ о томъ, что такое кометы, и откуда онѣ къ намъ прилетаютъ. Долго мы сидѣли, кутались

отъ холода въ одѣяла и шинели, разговаривали и любовались рѣдкой небесной гостьей.

Небо постепенно становилось свѣтлѣе, звѣзды пропадали, пропала и хвостъ у кометы, и наблюдать ее было уже не интересно.

— Что жъ, опять поспимъ? — спросилъ Григорій Ивановичъ.

— Нѣтъ, господа, — сказалъ я: — путь намъ сегодня предстоитъ долгій и трудный; давайте лучше собираться въ дорогу. Будите Колю.

Пока мы встали, уложили въ сумки вещи, умылись въ холодной рѣчкѣ и напились чаю, взошло солнце.

Колесной дороги дальше къ Арарату нѣтъ, поэтому намъ привели верховыхъ и вьючныхъ лошадей. Солдаты помогли навьючить вещи, и часовъ въ шесть утра мы тронулись въ путь. По приказанію офицера съ нами отправились трое солдатъ съ ружьями.

— Нельзя иначе, — сказалъ офицеръ, — вы не знаете, какіе разбойники курды.

Въ этотъ день намъ нужно было добраться до гребня между Большимъ и Малымъ Араратами.

Тамъ, на гребнѣ, почти на границѣ съ Персіей и Турціей, стоитъ русскій сторожевой постъ Сардаръ-Булагъ. Изъ Сардаръ-Булага можно подняться на оба Арарата. И Арараты, и гребень между ними виднѣлись такъ ясно: казалось, мы будемъ тамъ черезъ часъ. Однако, чтобы добраться до нихъ, надо перейти черезъ совершенно безводную песчаную пустыню (рис. 7).

— Къ вечеру доберемся, — говорили солдаты, которымъ не разъ приходилось ходить въ Сардаръ-Булагъ и обратно. И вотъ мы вступили въ эти пески.

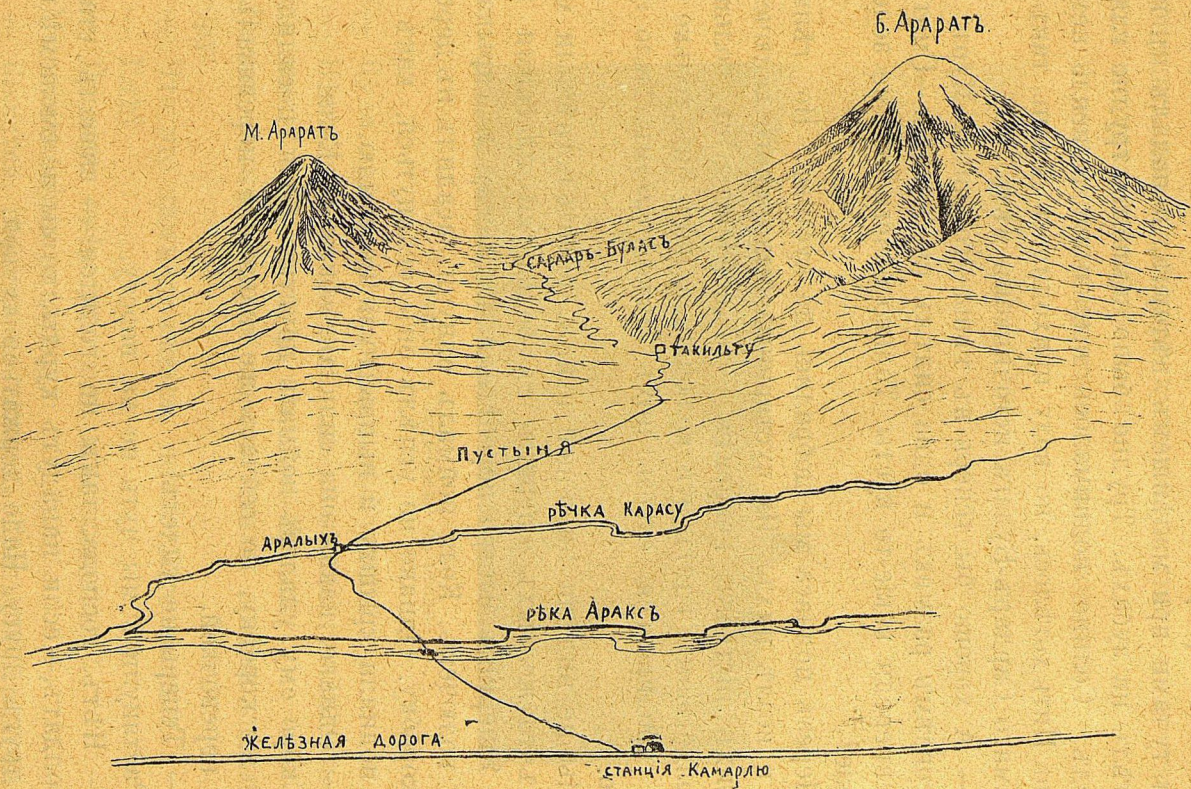

Рис. 7.

Лошади сразу начали вязнуть по колѣна, песокъ поднимался тучами при малѣйшемъ вѣтеркѣ, попадалъ въ глаза, скрипѣлъ на зубахъ. Трудно было дышать, трудно глядѣть впередъ. Солнце поднималось все выше и пекло немилосердно. Пить хотѣлось, но воду приходилось беречь, такъ какъ до самаго Сардаръ-Булага источниковъ нѣтъ.

— А хорошо бы теперь въ тѣнь,—говорилъ Муръ, который совсѣмъ размякъ и едва сидѣлъ на лошади.—Смотрите, тамъ впереди какіе-то кусты. Только отчего они не зеленые, а рыжіе?

Черезъ полчаса мы добрались до кустовъ. Но тѣни не было и возлѣ нихъ. На кустарникѣ было много колючекъ и никакихъ листьевъ. Говорятъ, что верблюды съ большимъ удовольствіемъ ѣдятъ эти колючки, а насъ онѣ только огорчали: продираться сквозь нихъ, даже верхомъ, было очень больно.

Мы не видѣли ни одной птицы, но зато встрѣчали много какихъ-то желтыхъ ящерицъ съ большими плоскими головами. Ящерицы быстро перебѣгали по песку и скрывались среди колючекъ. Коля поймалъ одну и засадилъ въ деревянную коробку. Однако не успѣлъ онъ оглянуться, какъ ящерица подняла крышку и выпрыгнула на землю.

— Однако, какая она сильная,—сказалъ Коля.

Скоро ему удалось поймать другую. Коля посадилъ ее въ ту же коробку, но сейчасъ же накрѣпко перевязалъ коробку веревочкой.

— Теперь не уйдетъ!

Растянулись мы чуть не на версту.

— Нѣтъ, господа, такъ не годится! — сказалъ старшій изъ солдатъ,—если нападутъ курды, то мы не сможемъ и помочь другъ другу. Надо держаться кучкой.

Мы подождали, пока подъехали отставшіе Коля и Муръ, и тронулись дальше. Скоро кустарникъ сталъ мельче и рѣже, лошади не такъ вязли въ песокъ.

— Черезъ часъ придемъ,—сказалъ солдатъ.

Рис. 8. Курды съ буйволами въ степи.

— Куда придемъ? Въ Сардаръ-Булагъ?

— Нѣтъ, черезъ часъ придемъ на постъ Такиль-Ту, а оттуда еще 2 часа пути до Сардаръ-Булага.

Пески окончились, и дорога стала слегка подыматься въ гору.

— Что это тамъ движется, посмотрите скорѣй!

— Гдѣ?

— Да вотъ впереди, люди или животныя?

Мы стали всматриваться.

— Кажется, верховые,—сказалъ Григорій Ивановичъ.

Скоро можно было разглядѣть нѣсколькихъ курдовъ верхомъ на буйволахъ (рис. 8). Мы насторожились, солдаты взяли за ружья, но оказалось, что бояться нечего: курды были мирные. Я угостилъ ихъ мятными лепешками, которыхъ они никогда раньше не пробовали; кажется, лепешки очень понравились: курды покачивали головами, причмокивали, переглядывались, что-то быстро толковали по своему, смѣялись, хлопали меня по плечу и, наконецъ, попросили еще. Я отдалъ имъ цѣлую коробочку. Они дали нашимъ солдатамъ покурить, и мы мирно разошлись, пожелавъ другъ другу счастливаго пути.

— А знаете, господа, мы уже начали подниматься на Араратъ,—сказалъ Николай Александровичъ,—вѣдь, тропинка все время идетъ въ гору.

— Значить, скоро будемъ на вершинѣ?—спросилъ Коля.

— Ну, нѣтъ: на вершину мы попадемъ дня черезъ два, не раньше.

Ко мнѣ подошелъ одинъ изъ нашихъ солдатъ.

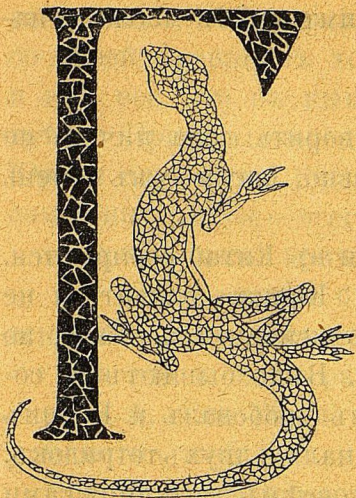
— Дозвольте, ваше благородіе, впередъ пройти, сказать на посту, чтобы убрали собакъ: очень злыя.

— А гдѣ же постъ?

— Да вотъ подъ горкой.

На сторожевомъ посту Такиль-Ту насъ встрѣтили привѣтливо. Мы дали немного отдохнуть лошадямъ и отдохнули сами въ прохладной казармѣ. Такъ не хотѣлось выходить на раскаленный дворъ, садиться на лошадей и опять тащиться въ гору. Но дѣлать было нечего, надо спѣшить, чтобы къ вечеру дойти до Сардаръ-Булага.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Съ вербы.

Одѣ тому назадъ зашла я на Вербной недѣлѣ къ племянникамъ и застала ихъ, всю тройку, за чаемъ послѣ гимназіи.

Въ гимназіи учатся только двое: Борикъ и Зина. Младшему Юрику всего 7 лѣтъ, и онъ еще дома, но „чай послѣ гимназіи“ онъ очень любить и никогда не пропускаетъ.

За этимъ чаемъ онъ и про гимназію и, вообще, про многое интересное узнаетъ. Въ другое время, если и спросить,—не всегда отвѣтятъ, а тутъ, за чаемъ, Борикъ съ Зиной про свое гимназическое всегда разговариваютъ. А Юрикъ молчитъ и все слушаетъ. Да и какъ не слушать. Особенно Борю.

— Сегодня одинъ со шпаргалкой влетѣлъ. Колъ ему влѣпили. Мышкинъ компанію собираетъ въ Китай бѣжать. Двое уже согласны. Только Пасху дома отживутъ, а потомъ убѣгутъ...

Это все Зинѣ Боря говоритъ. Замѣтилъ, что Юрикъ вытянувъ шею, съ него глазъ не спускаетъ, сестрѣ подмигнулъ и прибавилъ:

— А у насъ сегодня на казенный завтракъ сосиски и пломбиръ подавали.

Никогда, конечно, ни на казенный, ни на какой другой завтракъ такихъ кушаній вмѣстѣ не подаютъ. Это онъ, чтобы Юрика подразнить выдумалъ: Юрикъ сосиски и мороженое больше всего любитъ. Сразу насторожилъ уши. Облиз-

нулся. Зина и Боря хохочутъ. Нѣмка имъ хлѣбъ масломъ намазываетъ и говоритъ:

— Still, Kinder!

При ней можно о чемъ угодно говорить: она ничего не слушаетъ, все о своемъ думаетъ. Только, когда ужь очень расшумятся дѣти, „still“ скажетъ.

Хорошо въ гимназіи. И завтраки, и въ Китай собираются. А дома котлеты, бифштексъ, яичница. Юрикъ дожидаться не можетъ, когда ему, наконецъ, 10 лѣтъ исполнится. Такъ, по росту, онъ въ гимназисты бы годился. Въдь бываютъ и совѣмъ съ виду маленькіе. Юрикъ не разъ пробовалъ и Боринъ ранецъ надѣвать. У Бори часто, кромѣ пенала и двухъ тетрадокъ, тамъ ничего нѣтъ, а Юрикъ его даже совѣмъ туго книжками набилъ, ремешки за плечи перекинулъ, грудь впередъ выставилъ и большими тяжелыми шагами, точно у него не противные башмаки на пуговкахъ, а настоящіе сапоги, къ зеркалу въ маминой спальнѣ прошелъ. Зналъ, что мамы нѣтъ, ну и пошелъ.

Недурно вышло. Очень даже хорошо. Понравился себѣ Юрикъ. И вдругъ, изъ угла фрейлейнъ. Всегда тамъ, гдѣ совѣмъ ненужно, эта нѣмчура попадаетъ.

— Ну и пузырь!—говоритъ.

Обидно и глупо.

И Борику съ Зиной еще рассказала:

— Пошла я въ маминъ рабочій столикъ за пуговками и смотрю—Юрикъ пузыремъ выступаетъ...

Вотъ въ эту то компанію трехъ дѣтей и фрейлейнъ я и попала въ самомъ началѣ Вербной недѣли.

Сидятъ, „чай послѣ гимназическій“ пьютъ, а Юрикъ, противъ обыкновенія, не слушаетъ, а самъ рассказываетъ. Его слушаютъ. „Гимназисты“ еще на вербѣ не бывали. Когда ихъ

распустить—пойдутъ, а Юрикъ уже цѣлую недѣлю все на вербу со своей фрейлейнъ ходитъ. И какъ все устраивали—видѣлъ и все, все, что въ нынѣшнемъ году тамъ продаютъ—высмотрѣлъ. Пришла очередь Зины и Борика помолчать. Сидятъ, Юрика слушаютъ. Когда человѣкъ знаетъ одинъ что-нибудь самое интересное—всегда такъ бываетъ.

Юрикъ даже кричитъ. Руками машетъ.

— Одна мышка бѣлая изъ кадучечки ведеркомъ малюсенькимъ воду достаетъ, другая ей дверь открываетъ...

На это я, какъ разъ, и вхожу къ нимъ въ столовую.

— А, тѣтя Женя! Тѣтя Женя!—Юрикъ первый виснетъ у меня на шеѣ.

— А мамы дома нѣтъ? Ничего, я и съ вами посижу.

Я усаживаюсь за столъ. Фрейлейнъ чаю мнѣ наливаетъ.

— О чемъ это ты, Юрикъ, рассказывалъ, когда я пришла?

— Да про вербу.

— Онъ тамъ, тѣтя, который разъ уже былъ.

— А вы?

— Мы, когда насъ распустятъ, тоже пойдемъ. Мама раньше не пускаетъ. А онъ уже все, что и покупать, знаетъ.

Верб! А я какъ-то и забыла, что это Вербная недѣля началась. Только вотъ сейчасъ вспомнила.

— Когда я была маленькой, я тоже на вербы любила ходить,—говорю я.

Эти слова, „когда я была маленькой“, всегда сразу захватываютъ моихъ племянниковъ.

— Ну да, ходила на вербу такой же гимназисткой, какъ теперь Зина. Тѣ же коврижки покупала, халву, на которой зубы сломать можно, домой приносила.

— А золотыхъ рыбокъ покупала?

— И золотыхъ рыбокъ, и чижиковъ.

И вдругъ мнѣ почему-то вспоминается, какъ мнѣ по-правилась ящерица: маленькая, зеленая, съ бисерными глазами. Она сидѣла въ банкѣ. На днѣ было посыпано чуть-чуть песку, и ничего больше, такъ что вся ящерица была хорошо видна.

— Дешево отдамъ. Купите послѣднюю, — предложилъ торговецъ.

Но, во-первыхъ, оказалось, что на ящерицу у меня все-таки денегъ уже не хватало, а, кромѣ того, я ужасно боялась ящерицъ.

И эту—въ банкѣ я хотѣла получить, и въ то-же время мнѣ было страшно. Понесу банку, а она будетъ тамъ за стекломъ извиваться! Пожалуй, и до дому не донесешь... Такъ и не купила. Но зеленой ящерицы съ бисерными глазами я долго забыть не могла.

Все это я рассказала моимъ племянникамъ и встрѣтила полное сочувствіе и пониманіе съ ихъ стороны. Борикъ даже спросилъ, за сколько мнѣ тогда эту ящерицу уступали?

Но этого я уже сказать не могла. Забыла.

Разказавъ про мою гимназическую вербу, я невольно вспомнила многое. А когда вспоминаешь далекое, всегда уходишь отъ близкаго и какъ-то грустно дѣлается. Вотъ и теперь я почти забыла про племянниковъ, задумалась. Опомнилась, когда Юрикъ легохонько подтолкнулъ меня своей большой головой въ локоть.

— Тѣтя, тебѣ и теперь еще жалко, что ты ящерицы тогда не купила?

А я думала уже не объ ящерицѣ, но Юрику отвѣтила:

— Да, жалко!

Никогда не надѣ говорить дѣтямъ неправду.

Юрикъ еще на прощанье меня спросилъ:

— А ты, тѣтя, теперь ихъ не боишься?

— Кого, Юрикъ? — Я уже и про вербу давно забыла.

— Да ящерицъ?

Конечно, я сразу весь нашъ разговоръ вспомнила, вспомнила даже и то, что хорошо, чтобы дѣти не боялись пауковъ, лягушекъ, ужей, разныхъ гадовъ и тому подобныхъ вещей. И отвѣтила:

— О, нѣтъ, теперь ящерицъ я совсѣмъ не боюсь. Онѣ такія милыя, такія очаровательныя.

И думала я въ эту минуту уже не объ ящерицѣ въ банкѣ, а о другихъ, о тѣхъ, которыя шевелятъ травы, проскальзывая между ними въ жаркіе лѣтніе дни.

И еще разъ весело сказала:

— Очень люблю ящерицъ!

Съ этимъ я ушла. Ушла спокойная и безпечная, не подозревая, что меня ожидаетъ.

II.

Черезъ день, сижу себѣ въ своей комнатѣ, читаю. Вдругъ въ передней — неистовый звонокъ. Врывается въ шубкѣ, въ шапкѣ, въ теплыхъ калошахъ Юрикъ.

— Тѣтя, подарокъ! Это тебѣ съ вербы!

И суетъ мнѣ въ руки банку.

Смотрю, — ничего не понимаю. Видь у Юрика такой, точно онъ Жаръ-Птицу мнѣ за хвостъ притащилъ. Банка кускомъ довольно грязной и мятой газеты сверху прикрыта. Внутри мохъ.

— Что это?

— То, что ты хотѣла: ящерицы.

— Ящерицы!

Я опускаюсь въ кресло. Не вѣрю своимъ ушамъ. Мнѣ хочется спросить Юрика, откуда онъ взялъ, что я хотѣла ящерицъ. А онъ стоитъ передо мной съ видомъ волшебника, сложившаго сокровища у моихъ ногъ.

Опять неистовый звонокъ въ передней. и въ комнату влетаетъ, вся красная, фрейлейнъ.

— Юрикъ такъ бѣжалъ. Я совсѣмъ не успѣвалъ. Я ему запрещалъ ящерицъ, *gnädige Frau*, покупать. Онъ не послушалъ... Я говорилъ: *gnädige Frau* эта гадость бросать будетъ.

Юрикъ ни слова не отвѣчаетъ, только смотритъ на меня своими огромными выразительными глазами. Онъ хочетъ, чтобы я отвѣтила за него крикливой нѣмкѣ.

И я отвѣчаю:

— Я рада подарку, фрейлейнъ. Юрикъ знаетъ, какъ я люблю ящерицъ. Спасибо ему.

Фрейлейнъ пожимаетъ плечами и дѣлаетъ надутое лицо. Юрикъ бросаетъ на нее торжествующій насмѣшливый взглядъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы отправляемъ фрейлейнъ домой. Я говорю, что привезу Юрика сама къ обѣду.

Оставшись вдвоемъ, мы устраиваемъ ящерицамъ новоселье.

Я достаю со шкапа терраріумъ, стеклянный ящикъ съ железнымъ дномъ. Когда-то у меня тамъ жила маленькая черепашка. Она погибла, а домикъ ея остался. Посылаю за пескомъ. Когда все готово мы вываливаемъ содержимое банки въ терраріумъ.

Ящерицъ двѣ. Одна большая, другая, по сравненію съ ней, совсѣмъ крошечная.

— Видишь, тѣтя, съ двумя большими это не вышло...— старается мнѣ объяснить Юрикъ. У него попросту не хватило денегъ, но сказать объ этомъ прямо ему кажется неловкимъ.

— Довольно было бы и одной, — говорю я.

— А одна бы скучала. Хоть съ малюсенькой, а ей все-таки веселѣе.

— А кормить ихъ чѣмъ?

— Вотъ, у меня въ карманѣ шубки. Подожди...

Юрикъ бѣжитъ въ прихожую. Возвращается съ коробочкой изъ-подъ папирось. Я близорука. И онъ суетъ мнѣ въ лицо раскрытую коробочку, въ которой копошится что-то желтовато-розовое и довольно противное.

— Мучные черви!—объясняетъ мнѣ Юрикъ. Онъ ловко и храбро беретъ червяковъ пальцами, бросаетъ ихъ въ террариумъ, а потомъ, притиснувъ носъ къ стеклу, говоритъ:

— Не берутъ! Испугались вѣрно. Ты ихъ, тетя, вѣчеромъ покорми.

Но вечеромъ я возвращаюсь домой поздно. Ящерицы, вѣроятно, заснули. И я ихъ не беспокою.

III.

На утро, я проснулась раньше обыкновеннаго. Открыла глаза, прислушалась. Какое-то шуршанье, царапанье.

„Можетъ быть, мышъ завелась.“ Нѣтъ, вдругъ вспомнила: „ящерицы!“

Я не доспала, ходила весь день съ головою болью, потомъ съ ужасомъ и отвращеніемъ захватывала пинцетомъ желто-розовыхъ извивающихся червей и бросала ихъ въ стеклянный домикъ. У созданий съ бисерными глазами оказался изрядный аппетитъ. Вѣроятно они сильно наголодались на вербахъ. Каждая ящерица съѣла по три толстыхъ червяка. И ѣли онѣ такъ, что, разглядѣвъ, я уже боялась при-сматриваться: ловили червяка прямо за голову, а потомъ, извивающагося, втягивали въ себя.

Послѣ этой первой кормежки, ящерицы затихли на цѣлый день. Вѣрно отдыхали отъ всѣхъ вербныхъ испытаній и заодно переваривали огромное количество сразу проглоченной пищи.

А на другое утро опять шуршанье. Опять кормленье, послѣ котораго и кофе, и хлѣбъ кажутся мнѣ удивительно невкусными.

Послѣ этого зеленыя созданія затихли далеко не на цѣлый день. Я слышала шуршанье, шлепанье объ стекло. И, когда подошла,—увидѣла, что старшая, большая ящерица стала дыбомъ и пробуетъ лѣзть на стекло. Замѣтивъ меня, она юркнула въ мохъ. Въ террариумѣ все стихло. А вечеромъ мнѣ пришла въ голову тревожная мысль:

„Червяковъ чуть-чуть осталось. Чѣмъ я ихъ утромъ, когда зашуршатъ, успокою?“

Полетѣла я къ Юрику.

— Юрикъ! Гдѣ Юрикъ? Мнѣ Юрика надо! Юрикъ, гдѣ мучныхъ червей достаютъ? У меня кончаются.

Юрикъ очень гордится тѣмъ, что я именно къ нему за совѣтомъ пріѣхала. Не къ Борику—гимназисту, не къ Зинѣ, а именно къ нему. И онъ старается посовѣтовать, какъ можно лучше.

— Видишь, тетя,—серьезно и озабоченно говоритъ онъ,— это такъ дорого покупать. Червей можно самимъ развести. Надо только тарелку, потомъ муки насыпать, потомъ...

Фрейлейнъ фыркаетъ.

— Нѣтъ, Юрикъ, я лучше ужъ готовыхъ куплю. Скажи только, гдѣ?

— И что за охота, Женя, тебѣ съ этой гадостью возиться?—спрашиваетъ, входя въ дѣтскую, сестра.—Я даже Юрика побранила...

Юрикъ молчитъ, только смотритъ на меня. Смотритъ, точно говоритъ:

— Вотъ, все не вѣрятъ!

И я спѣшу сказать:

— Юрикъ сдѣлалъ мнѣ чудесный подарокъ. Ящерицъ я давнымъ давно хотѣла. Когда мы съ тобой, Лиза, еще дѣвочками были, тогда захотѣла.

— Вотъ видите!—кричитъ на всю комнату Юрикъ.— Сама тѣтя сказала. Мнѣ не вѣрили!

Мучныхъ червей не достала. Оказалось, что всѣ вышли. Будутъ только черезъ недѣлю.

Опять лечу къ Юрику.

На этотъ разъ уже не одинъ Юрикъ, а и Борикъ, и Зина—всѣ совѣтуютъ:

— Мухъ надо доставать.

— Положимъ, весна на дворѣ... Кое-гдѣ и мухи появляются. Но какъ ихъ поймать?

— Очень просто,—говоритъ Борикъ.—Только бы муху увидеть.

— Хорошо еще тараканами кормить.

— Ну, гдѣ же тѣтя таракановъ ловить будетъ!—пожалѣла меня Зина.

— Мы тебѣ, тѣтя, сами принесемъ и таракановъ, и мухъ.

На этомъ и порѣшили. А потомъ всѣ трое явились ко мнѣ и съ тараканами, и съ мухами. Я имъ и накормить ящерицъ предоставила. Сама къ окошку даже не подошла. У меня была спѣшная работа, да и особеннаго удовольствія смотрѣть, какъ зеленыя созданія будутъ прихватывать мухъ и таракановъ,—правду говоря, не нахожу.

И вдругъ у окошка неистовый Зининъ крикъ:

— Говорила! Говорила! Вотъ и упустилъ!

И всѣ трое уже на полу. Ползають на животахъ, шлепають руками, приподымають коверъ, заглядываютъ подъ шкапъ. Оказывается, Боря большую ящерицу взялъ въ руки и упустилъ. Долго я ихъ съ пола поднять не могла. Наконецъ, уговорила. Встали, всѣ измятые, пыльные, лица у всѣхъ красныя, смущенныя. Особенно у Бори.

— Не нашли!— Чуть не плачутъ.

Мнѣ же ихъ еще утѣшать пришлось:

— Напугали вы ее. Потомъ сама вылѣзетъ.

Ушли разстроенные.

А вечеромъ сѣла я за самоваръ, беру чайникъ, чтобы его, по обыкновенію, кипяткомъ ополоснуть, а въ чайникъ что то перекатывается.

Заглянула: ящерица! Такъ я чуть чайникъ не бросила. Выловила ящерицу изъ чайника. Крѣпко ее зажала двумя пальцами. Зубы стиснула, такъ мнѣ непріятно ея холодное извивающееся тѣло. А она, по пути къ террариуму, изловчилась и меня еще за палецъ укусила.

— Ну, и звѣрь! Кусается!— сообщила я прибѣжавшимъ ко мнѣ на другой день племянникамъ. Не повѣрили. А Боря такъ прямо сказалъ:

— Это тебѣ, тетя, со страха показалось. Развѣ ящерицы кусаются?

— Вотъ сюда укусила...— Я хотѣла имъ показать знакъ. Но его уже не было, а безъ знака они мнѣ такъ и не повѣрили.

IV.

Весеннее солнце пригрѣвало все сильнѣе и сильнѣе.

За моимъ окномъ все громче и громче раздавалось голубиное гулъканье, но постоянного шуршанья и шлепанья обь

стекло оно заглушить не могло. Съ каждымъ днемъ мои ящерицы дѣлались все безпокойнѣе. Бсть стали мало, все бились объ стекла терраріума. Я была увѣрена, что вылѣзть онѣ не могутъ, но это неустанное стремленіе къ невозможной свободѣ безпокоило и раздражало меня. За это время ящерицы, какъ будто, привыкли ко мнѣ. Когда я подходила къ терраріуму, онѣ уже не прятались въ мохъ, а замирали съ остановившимися на мнѣ бисеринками-глазами.

Мнѣ вспомнилось, что гдѣ-то, кажется у Брема, я читала, что ящерицы привыкають къ человѣку. Я подумала, что будетъ уютнѣе, если эти безпокойныя созданія привыкнутъ ко мнѣ на столько, что ихъ можно будетъ держать не въ стеклянномъ ящикѣ, котораго онѣ, видимо, не выносятъ, а позволить имъ бѣгать по комнатѣ. Можетъ быть, онѣ даже полюбятъ меня... Я буду сидѣть за письменнымъ столомъ, а ящерица гдѣ-нибудь возлѣ чернильницы..

Съ самыми лучшими намѣреніями я засунула руку въ терраріумъ, вытащила для начала маленькую. Она всегда казалась мнѣ по натурѣ болѣе мягкой.

Крѣпко зажавъ руку, такъ, что съ одного конца торчала только головка, а съ другого—одинъ кончикъ остраго хвостика, я продержала ее до тѣхъ поръ, пока почувствовала, что холодное тѣльце замѣтно потеплѣло. Ей было, видимо, пріятно, и она, какъ будто, собралась заснуть, потому что бисерные глазки подернулись пленкой. Тогда я, довольная первымъ опытомъ прирученія, осторожно опустила ее въ мохъ, и, изловчившись, схватила большую. Мнѣ показалось, что за это время „старшая“ стала еще сильнѣе, а ужъ „приручаться“ она совсѣмъ не хотѣла. Сразу куснула меня крѣпкими челюстями. Я ахнула, а она выскользнула у меня изъ рукъ на полъ.

Хорошо, что я во-время вспомнила, какъ искала ее про-

шлый разъ вся моя тройка. Вспомнивъ, я рѣшила благоразумно ждать, когда „звѣрь“ самъ найдется. Но спокойной я быть не могла: а вдругъ она въ чайникѣ? А вдругъ въ кофейникѣ? А вдругъ ее обварятъ кипяткомъ? Вдругъ на нее наступятъ? А вдругъ стуломъ придавятъ?

Но разныхъ вдругъ, которые меня мучили, и не перечислить. Въ этотъ день я даже не вышла погулять. Сидѣла, прислушивалась, не зашуршитъ ли гдѣ. Иногда вставала, встряхивала портьеру... Ждала, что „звѣрь“ куда-нибудь залѣзъ и свалится. Вечеромъ, „звѣря“ нашли въ моей теплой туфлѣ и благополучно водворили въ помещеніе, гдѣ ему полагалось быть.

Послѣ этого происшествія, обѣ ящерицы сразу какъ-то притихли. И аппетитъ у нихъ сдѣлался меньше. Я подумала, что первый опытъ прирученія слишкомъ ихъ взволновалъ, и что постепенно онѣ успокоятся, отойдутъ. Но онѣ не отходили. Напротивъ. Двигаться и совсѣмъ перестали. И не ѣли ничего. Теперь уже въ терраріумѣ, вмѣсто ящерицъ, двигались не съѣденные ими черви. Я разглядѣла двухъ, уже присохшихъ къ стеклу.

Неужели ящерицы погибаютъ? Позвала на совѣтъ мою тройку. Взглянули въ шесть глазъ. Сразу все поняли.

— Тѣтя, да онѣ линяютъ! Видишь, кусочекъ шкурки? Прозрачная! Свѣтится. А узоръ то какой!

Отодрали мы отъ березоваго полѣна кусочекъ коры и домикомъ надъ ящерицами поставили.

— Пускай имъ темно и тихо будетъ. Во время линянія хорошо, чтобы такъ было.

Это Боря сказалъ. Онъ у Брема все про ящерицъ вычиталъ.

Отлиняли мои ящерицы, стали зеленыя - презеленыя. Подъ берестой больше совсѣмъ не сидятъ. Червей вдвое про-

тивъ прежняго глотають. Съ ранняго утра, чуть солнышко весеннее, раннее выглянетъ, — такъ и шуршатъ. Старшая на стекло уже даже не лѣзетъ, а прямо бросается. Нѣтъ, никогда не будетъ она сидѣть у меня возлѣ чернильницы. Просто безпокойство какое-то и на меня отъ этихъ ящерицъ нашло. Смотрю, какъ „зеленыя“ по ящику мечутся и думаю: „А хорошо бы теперъ въ Крымъ! Цвѣтеть все давно тамъ: и миндали, и персики. И море тамъ синее.

А когда человѣкъ сразу не справится съ неожиданнымъ желаніемъ, то это желаніе—куда захочетъ, туда и поведетъ его.

Черезъ нѣсколько дней друзья провожали меня въ Ялту. И „тройка“ съ матерью на вокзалъ явилась.

— Ахъ, Женя, я до сихъ поръ притти въ себя не могу. Ничего не говорила—и вдругъ въ Крымъ. Какъ-то уже очень неожиданно!—Это сестра Лиза, мать Бори, Зины и Юрика говорятъ.

А тройка ничего не говоритъ, только она одна меня понимаетъ. А если и удивляется она на кого, то на всѣхъ другихъ: „Почему это всѣ большіе туда, гдѣ и море, и горы, и цвѣты,—не ѣдутъ? Маленькихъ не пускаютъ, а большимъ, кажется, можно бы... Удивительно, что только тѣтя Женя одна собралась.

— Женя, да у тебя палець обвязанъ! Что это?—спрашиваетъ сестра.

— Это такъ. Ничего. Съ укладкой...

— Неловкая какая! Вѣчно съ тобой.

А Юрикъ подобрался ко мнѣ тихонько и головой меня подтолкнулъ. Это онъ всегда дѣлаетъ, когда ему что-нибудь секретное мнѣ на людяхъ сказать надо.

— Что тебѣ?—спрашиваю.

— А „онѣ“ гдѣ?

— Въ жестянкѣ. Въ крышкѣ я дырочки буравомъ про-
вертѣла. Оттого и палецъ завязанъ. А жестянка давно подъ
диваномъ, въ купѣ.

Все это я наскоро сообщаю Юрику на ухо. Потомъ вхожу
въ вагонъ. Поѣздъ трогается.

V.

Зеленая горы. Красные маки, точно огоньки. Облитыя
бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ деревья. Зелень, буйная, паху-
чая зелень повсюду. Кажется, что сѣрые камни, и тѣ ра-
дуются.

Вотъ только жаль, что „онѣ“ умерли. Это мѣшаетъ радо-
ваться. Умерли, исколотившись объ жестяныя стѣнки въ тем-
ной душной банкѣ. Какъ только я очутилась въ комнатѣ, я
сейчасъ же достала стеклянную банку и вывалила туда изъ
жестяной все, что тамъ было. Но „онѣ“ такъ и не шевельну-
лись. Ихъ покрыло мхомъ.

Я ухожу отъ банки подальше. На балконъ.

Какъ хорошо! Въ далекомъ морѣ, между синевой моря и
голубизной неба паруса, какъ бѣлыя крылья.

Вотъ только жаль, что „онѣ“ пропали.

Я возвращаюсь къ банкѣ.

Шевелятся! Мохъ шевелится! Я вижу острый кончикъ
зеленаго хвостика, вотъ другой—потолще. Живы! Живы!

Я ставлю банку на самое солнце. Пускай оно согрѣетъ,
оживить ихъ совсѣмъ. И когда я выхожу опять на балконъ,
и море, и небо кажутся мнѣ еще синѣе, бѣлыя крылья пару-
совъ еще бѣлѣе. А какъ пахнутъ лиловыя гроздья глицини,
обвивающей балконъ!

Черезъ день я ѣду съ одной знакомой дамой и съ ея
сыномъ Владекомъ на водопадъ Учанъ-Су.

Владекъ мнѣ напоминаетъ Юрика. У него тоже большая, не по росту, голова и большіе глаза. Въ остальномъ, какъ будто, совсѣмъ не похожъ. Юрикъ худенькій, блѣдный. Владекъ крѣпышъ. Но это все, если разбирать, а такъ посмотрѣть — похожи.

Мы съ Владекомъ сразу подружились. Владекъ и про ящерицъ все уже знаетъ. И знаетъ, что я ихъ захватила съ собой, чтобы въ лѣсу выпустить. Это мы съ нимъ вдвоемъ придумали, чтобы непременно на Учанъ-Су ихъ отвезти. Тамъ лѣсъ сосновый, и воды вездѣ много. Банку я подъ пледъ запрятала. Владекъ меня предупредилъ, что его мама ужасно разныхъ гадовъ боится и ни за что съ ящерицами на Учанъ-Су не поѣдетъ.

Бдемъ. Домики ялтинскіе уже далеко позади остались. И вдругъ Владекъ дѣлаетъ испуганное лицо.

— Задохнулся! — кричитъ онъ.

Выдалъ Владекъ весь нашъ секретъ.

Сначала мама ужасно испугалась, даже захотѣла назадъ вернуться, но потомъ мы съ Владекомъ ее уговорили. Обѣщали, что вотъ „еще самую чуточку проѣдемъ“ и ящерицъ выпустимъ. И Владекъ нѣсколько разъ кричалъ кучеру: „Стой!“

Экипажъ останавливался. Владекъ бросался въ лѣсъ, подхитившій къ самой дорогѣ, и дѣлалъ стремительныя развѣдки. Прежде чѣмъ выпускать, надо посмотрѣть, хорошо ли ящерицамъ тамъ будетъ жить.

Возвращался бѣгомъ, запыхавшійся, красный. Оказывалось, что вездѣ что-нибудь было ненадежнымъ, а воды — то слишкомъ мало, то черезчуръ много.

— Воды не отыщутъ — пропадутъ!

Или:

— Ужъ очень много воды—потонуть. Можетъ быть, онѣ къ такой водѣ непривычны.

А у мамы лицо становилось все строже, и на меня она такъ смотрѣла, что было вполне ясно: кататься со мной она уже больше никогда не поѣдетъ.

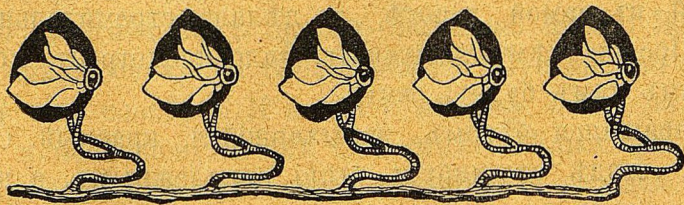
— Слушай, Владекъ, пойдѣмъ теперь вмѣстѣ.

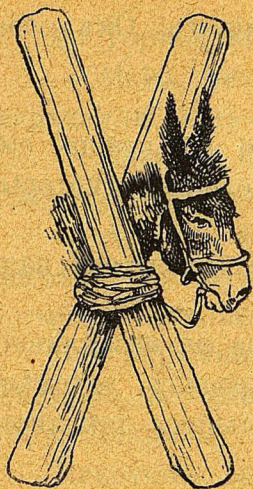
На этотъ разъ мы уже вдвоемъ, и съ банкой, вошли въ тихій, жаркимъ солнцемъ разогрѣтый лѣсъ. Журчали еще не успокоившіеся отъ весенняго разлива ручьи, гудѣлъ близкій, но еще невидный за деревьями водопадъ Учанъ-Су.

На одномъ изъ сѣрыхъ камней, чуть поросшихъ зеленовато-бурымъ мхомъ, мы опрокинули нашу банку.

Онѣ обѣ, и большая, и маленькая, точно замерли подѣ сразу нахлынувшимъ на нихъ со всѣхъ сторонъ воздухомъ и солнцемъ. Но это продолжалось не долго. Черезъ мгновение обѣ разомъ соскользнули съ камня, точно скатились въ траву подѣ нимъ, а потомъ побѣжали туда, гдѣ лѣсъ дѣлался и гуще, и темнѣе. Мы стояли и смотрѣли, какъ все дальше и дальше отъ насъ, пропуская ящерицъ, колыхались травинки, былинки и какіе-то мелкіе лиловые цвѣточки.

Е. Родіонова.

За счастьемъ.

IV.

Тотоно посчастивилось.

ОТЯ Тотоно и былъ изобрѣтателемъ геніального плана отправиться на поиски синьора Каландроне, но это его не веселило. Какъ только онъ очутился одинъ, его начали мучить сомнѣнія. Онъ положительно не понималъ, съ чего ему начать. Ночь была самая обыкновенная, какъ вчера и какой навѣрное будетъ завтра. Слѣдовательно, ничего особеннаго отъ нея и ждать было нечего.

Когда Тотоно вышелъ на улицу Толедо, была уже полночь, и рѣдкіе фонари еще усилили его грустное настроеніе. Было душно и жарко. Уныніе овладѣло мальчикомъ.

Но итальянскіе оборвыши изобрѣтательны по части добыванія денегъ. И у Тотоно мелькнула мысль попытаться извлечь какую-нибудь пользу изъ своего грустнаго настроенія. Въ это время, какъ разъ мимо него, проходила компанія веселой молодежи, очевидно возвращавшейся съ бала. Тотоно съ плачемъ подбѣжалъ къ ней и принялся рассказывать наскоро придуманную исторію про свою несчастную семью, которой у него не было:

— Отца свезли въ больницу... Мать четырнадцать лѣтъ безъ ногъ. Братъ ослѣпъ... Сестра калѣка... Двадцать дней голодаю.

Быстрые глаза Тотоно разглядѣли въ кучкѣ молодежи

высокую красивую дѣвушку съ добрымъ лицомъ. Онъ обратился прямо къ ней:

— О, синьорина!..

Но синьорина жестомъ объяснила, что ей нечего ему дать, и Тотона присталъ къ молодому человѣку, который шелъ съ нею рядомъ.

— Ради прекрасныхъ глазъ синьорины, сжальтесь надъ бѣднякомъ, добрый синьоръ!

Одинъ изъ молодыхъ людей замахнулся на назойливаго оборвыша палкой, но тотъ, кого онъ попросилъ, захотѣлъ щегольнуть своей щедростью и бросилъ мальчику двѣ лиры. (Лира—на наши деньги около 40 копеекъ).

Тотона высоко подпрыгнулъ отъ радости и бѣгомъ пустился по улицѣ. Остановился онъ только на городской площади.

— Вотъ счастливая ночь! Цѣлыхъ двѣ лиры!

Онъ хохоталъ и прыгалъ. Но вдругъ что-то кольнуло его въ ногу. На этотъ разъ онъ подскочилъ уже отъ боли. Быстро нагнулся, схватилъ попавшій ему подъ ногу предметъ и яростно отшвырнулъ его отъ себя.

Нога отъ укола болѣла такъ сильно, что онъ сѣлъ на землю и, сморщившись отъ боли, помазалъ ее слюной.

Когда онъ поднялъ голову, то увидѣлъ, что прямо на него движутся какіе-то огни. Присмотрѣвшись, Тотона разобралъ, что это идутъ люди съ фонарями. Люди въ полголоса переговаривались между собой, нагибались, очевидно что-то искали.

Но Тотона не было никакого дѣла до этихъ чужихъ людей. Нога его болѣла все сильнѣе. Изъ ранки начала сочиться кровь. Тотона испугался и громко заплакалъ.

Три молодые дѣвушки и четверо молодыхъ людей подошли къ мальчику и спросили:

— Что съ тобой?

Но Тотоно, ничего не отвѣчая, продолжалъ всхлипывать.

— Мама, мама! Вотъ моя брошка! Нашлась! Вотъ она!— вскрикнула одна изъ молодыхъ дѣвушекъ.

— Нашли? Вотъ такъ счастье! Поздравляемъ! Поздравляемъ!—обрадовалась вся компанія.

— А, вотъ какъ вы бросаете ваши вещи!—вдругъ раскричался Тотоно.—Это изъ-за васъ я испортилъ себѣ ногу. Посмотрите только, куда попала мнѣ эта брошка!

Всѣ окружили мальчика. Его жалѣли, утѣшали, ласкали. Дѣвушка, которая нашла брошь, сунула ему въ руку пять лиръ. Дали ему денегъ и другіе.

Наконецъ, всѣ разошлись, и Тотоно остался одинъ на площади со своимъ неожиданнымъ богатствомъ.

Сосчиталъ деньги. Ихъ оказалось почти десять лиръ.

Отъ радости у Тотоно сразу перестала болѣть нога.

V.

Находка Таніэлло.

Таніэлло, самый младшій изъ трехъ, отнесся къ предложению Тотоно недовѣрчиво и съ насмѣшкой. Но не успѣлъ еще сообразить, что ему дѣлать, какъ всѣ разбѣжались, и онъ очутился одинъ.

Бросить товарищей или итти съ ними въ далекую незнакомую Швейцарію? Вотъ вопросъ, который прежде всего долженъ былъ рѣшить маленькій Таніэлло.

Но бросить товарищей онъ никакъ не могъ. Ужъ очень привыкъ къ Тотоно и Дженарино, а кромѣ того, вѣдь, они были его спасители.

Еще два мѣсяца тому назадъ страшная тѣтка, представлявшаяся слѣпой, не отпускала его отъ себя ни на шагъ. Онъ обязанъ былъ водить ее по городу за милостыней.

Что это была за жизнь!

Старая вѣдьма внушала всѣмъ страхъ и недовѣріе. Ей подавали только изъ жалости къ несчастному мальчику.

Когда же ревматизмъ задерживалъ ее дома, Таніэлло отправлялся за милостыней одинъ.

Если онъ приносилъ мало, тѣтка набрасывалась на него съ кулаками. Иногда за мальчика вступались сосѣди и отнимали его у разъяренной старухи.

Какъ-то разъ вечеромъ Тотоно и Дженарино, давнишніе знакомые Таніэлло, съ которыми онъ видѣлся очень рѣдко и только урывками, провожали его домой.

Не успѣли они отойти отъ дверей, какъ за ихъ спиной раздались вопли мальчугана.

Тотоно остановился, посмотрѣлъ на Дженарино и произнесъ:

— Завтра!

Дженарино сразу его понялъ и повторилъ:

— Завтра!

Когда же на другой день они опять встрѣтили Таніэлло, Дженарино рѣшительно заявилъ ему:

— Больше ты не вернешься къ своей вѣдьмѣ.

— Что ты говоришь?— испугался Таніэлло.— Да развѣ это возможно! Вѣдь кромѣ этой тѣтки у меня нѣтъ никого на свѣтѣ.

— А мы?

— Вы мои друзья, — отвѣтилъ Таніэлло, — а она мнѣ родная.

— Но мы тебя не колотимъ.

— Это правда. Только она меня ни за что не отпуститъ. Разыщетъ, куда бы я не ушелъ, и исколотитъ еще больше.

— А мы за тебя заступимся.

Таніэлло не вернулся къ старухѣ. Она его отыскала. Онъ былъ съ Тотоно и Дженарино. Они пытались ее угова-

ривать оставить имъ мальчика, но когда она пустила въ ходъ палку, они сумѣли вмѣстѣ съ Прыгуномъ постоять за себя, и тѣтка обратилась въ бѣгство.

Таніэлло былъ спасенъ.

Конечно онъ не могъ покинуть своихъ спасителей, да и что дѣлать безъ нихъ—онъ не зналъ. Вернуться къ тѣткѣ тоже было не сладко,

Таніэлло рѣшилъ раздѣлить участь своихъ друзей.

Но прежде всего ему захотѣлось немного отдохнуть, и онъ присѣлъ возлѣ каменной стѣны.

Была черная ночь. Со всѣхъ сторонъ на Таніэлло надвигались какія-то тѣни. Ему стало жутко.

На мосту огромныя каменныя статуи святыхъ протягивали руки къ небу, темному отъ надвигавшейся грозы.

„Нѣтъ, ужъ лучше пойду“, рѣшилъ Таніэлло. „Пройду на станцію. Скоро придетъ ночной поѣздъ. Тамъ хоть свѣтло и людей много“.

Онъ поплелся къ станціи и вдругъ услышалъ за собой глухой топотъ.

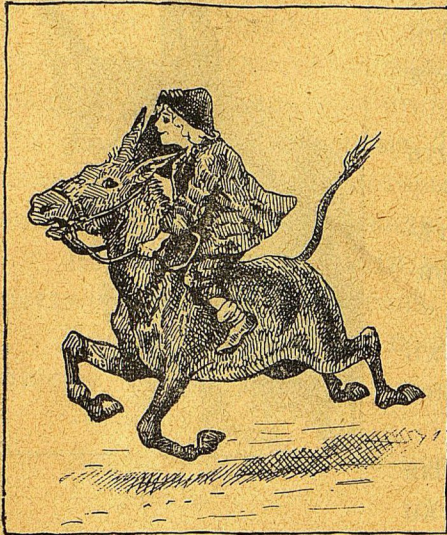
— Кто тамъ?—крикнулъ Таніэлло.

Онъ обернулся и сталъ всматриваться. Но въ темнотѣ, кромѣ быстро надвигавшейся на него черной тѣни, ничего разобрать не могъ.

— Божья Матерь, спаси меня!—крикнулъ онъ въ ужасѣ и вдругъ увидѣлъ передъ собой осла. Сѣдла на немъ не было, и длинная веревка тянулась за нимъ по землѣ.

Таніэлло ужасно любилъ ѣздить верхомъ. Сразу позабывъ всѣ страхи, онъ бросился къ ослу. Не долго думая, схватилъ веревку и наступилъ на нее ногой. Осель пробовалъ вырваться, но Таніэлло крѣпко держалъ веревку. Улучивъ удобную минуту, онъ однимъ прыжкомъ очутился на спинѣ осла.

Чѣмъ скорѣе они подвигались, тѣмъ радостнѣе прыгало сердце мальчика.

— Попался, голубчикъ!— крикнулъ онъ. — Посмотримъ, удастся ли тебѣ меня сбросить.

Ловко правя веревочными поводками, Таніэлло поѣхалъ по улицѣ.

— Какъ тебя зовутъ, дружище?—спросилъ онъ ласково, склонившись къ ослу.

Какъ разъ въ эту минуту они очутились подъ фонаремъ, и Таніэлло разглядѣлъ коричневатую-сѣрую шерстку и темный ободокъ на шеѣ, похожій на ожерелье или веревку. Цвѣтъ

шерсти напомнилъ Таніэлло монашескую рясу, а ожерелье—шнуръ, которымъ подпоясываются итальянскіе монахи. Не долго думая, онъ рѣшилъ назвать ослика „Монашкомъ“.

И чѣмъ дальше и скорѣе они подвигались, тѣмъ радостнѣе прыгало сердце мальчика, точно отплясывая веселый танецъ - тарантеллу. Мысль, что это великолѣпное животное принадлежитъ ему, совершенно вскружила голову Таніэлло.

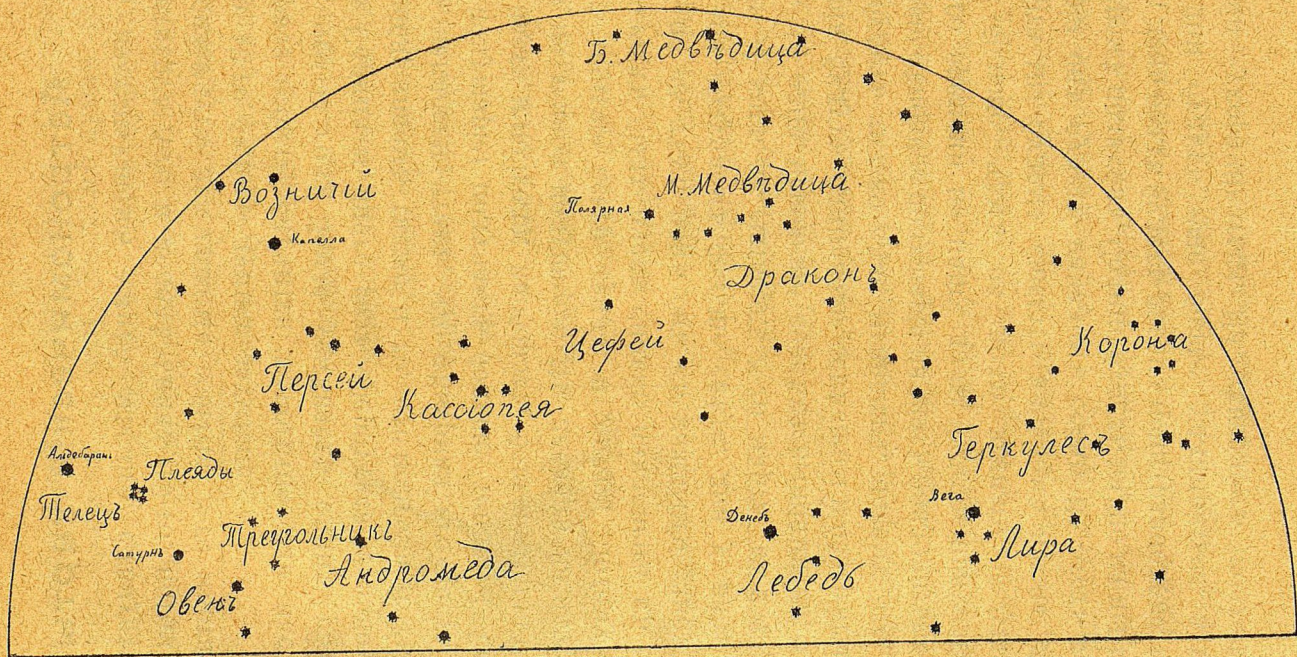
Въ это время, какъ разъ посвѣтлѣла вершина Везувія. Занималась заря, заря новаго счастливаго дня.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Астрономическія карты.

Въ наступающемъ мартѣ мѣсяцѣ слѣдуетъ замѣтить дни—четвергъ 8-го и понедѣльникъ 19-го, потому что въ эти дни произойдутъ два важныя событія: 8-го марта начинается весна, а 19-го будетъ лунное затмѣніе.

Первое событіе случится незамѣтно для насъ. Мы уже знаемъ, что за годъ Земля успѣваетъ одинъ разъ обѣжать вокругъ Солнца и много разъ обернуться волчкомъ вокругъ самой себя; знаемъ также и то, что полгода этотъ вертящейся волчекъ наклоненъ такъ, что сѣверная его часть (наше сѣверное полушаріе) получаетъ больше тепла и свѣта, чѣмъ южная часть, и полгода, наоборотъ, больше тепла и свѣта приходится на южное полушаріе. Въ декабрѣ на нашу долю приходилось меньше всего тепла и свѣта, потому что нашъ шаръ-волчекъ былъ очень сильно наклоненъ въ сторону отъ Солнца; но съ тѣхъ поръ онъ съ каждымъ днемъ выпрямляется: мы получаемъ больше свѣта, дни у насъ становятся длиннѣе. И вотъ въ четвергъ 8-го марта, въ 2 ч. утра, шаръ-волчекъ на одно мгновеніе совсѣмъ выпрямится, и оба земныя полушарія будутъ одинаково освѣщены и обогрѣты Солнцемъ. Но это будетъ только одно мгновеніе, потому что вслѣдъ за тѣмъ наше сѣверное полушаріе начнетъ наклоняться къ Солнцу, и съ того времени на нашу долю будетъ приходиться тепла и свѣта больше, чѣмъ на долю южнаго полушарія. День 8-го марта мы будемъ считать началомъ весны; для южнаго полушарія онъ будетъ началомъ осени. Въ этотъ день по всей Землѣ, кромѣ полюсовъ, Солнце будетъ видно на небѣ 12 часовъ: значить, день вездѣ будетъ равенъ ночи (равноденствіе); дальше у насъ дни будутъ еще болѣе удлиняться, а въ южномъ полушаріи—укорачиваться. На сѣверномъ полюсѣ, начиная

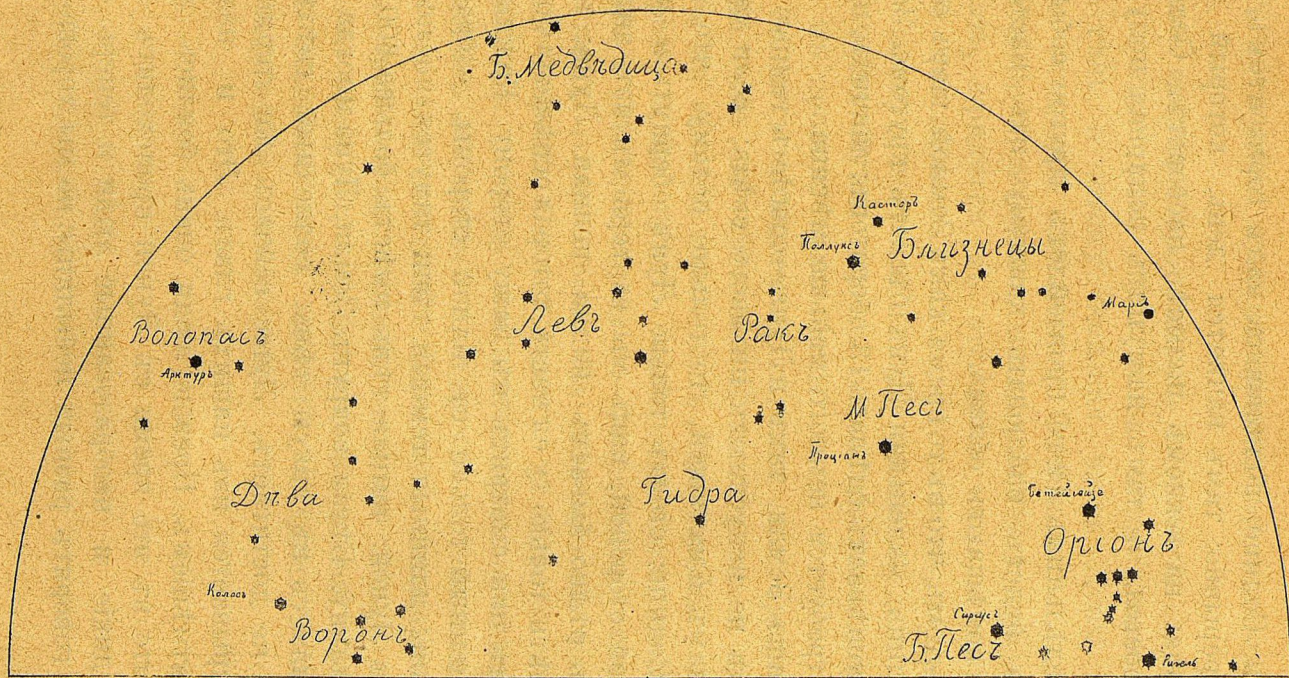
Западъ.

Сѣверо-западъ.

Сѣверъ.

Сѣверо-востокъ.

Востокъ.

съ этого дня, Солнце, поднявшись надъ горизонтомъ, будетъ свѣтить непрерывно: тамъ начнется день, который продолжится полгода; на южномъ полюсѣ, наоборотъ, Солнце на полгода скроется, и тамъ наступитъ полярная полугодовая ночь.

Въ понедѣльникъ 19-го произойдетъ другое событіе, которое можно будетъ наблюдать каждому изъ насъ, если, конечно, не помѣшаютъ облака.

Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ Земной шаръ обѣгаетъ кругомъ Солнца, маленькая Луна бѣгаетъ кругомъ Земли; за годъ Луна успѣваетъ сдѣлать 13 оборотовъ; значитъ, на одинъ оборотъ ей требуется немного меньше мѣсяца.

Какъ наша Земля, такъ и Луна—совсѣмъ темные шары и сами по себѣ не испускаютъ никакого свѣта; если же Луна и кажется намъ блестящей, то только потому, что ее ярко освѣщаетъ Солнце: стоитъ только Лунѣ обернуться къ намъ неосвѣщенной стороной, какъ мы ее теряемъ изъ вида. Вотъ почему такъ рѣдко бываетъ видна полная Луна: вѣдь мы можемъ видѣть только ту ея часть, которая освѣщена Солнцемъ, если притомъ она смотритъ въ нашу сторону. Каждый предметъ, освѣщенный только съ одной стороны, отбрасываетъ отъ себя тѣнь: длинныя темныя тѣни тянутся по небу и за Землей, и за Луной: земная тѣнь имѣетъ больше 600 тысячъ верстъ въ длину. Бѣгая вокругъ Земли, Луна иногда на часъ, другой попадаетъ въ такую тѣнь; солнечный свѣтъ тогда до нея уже не достигаетъ, Луна сейчасъ же теряетъ свой блескъ и скрывается изъ нашихъ глазъ. Это и называется Луннымъ затмѣніемъ. Прежде люди очень боялись затмѣній и думали, что въ это время съ Луной происходитъ какое-то несчастье; дикіе и необразованные люди и теперь еще при затмѣніяхъ говорятъ разныя небылицы; но мы хорошо знаемъ

въ чемъ тутъ дѣло и съ интересомъ наблюдаемъ это небесное явленіе.

Такое затмѣніе произойдетъ и въ ночь съ 19-го на 20-е марта. На этотъ разъ Луна только однимъ краемъ задѣнетъ земную тѣнь, и потому большая часть Луны и во время затмѣнія останется освѣщенной Солнцемъ.

Затмѣніе произойдетъ поздно, и тѣмъ, кто захочетъ его наблюдать, придется въ эту ночь мало поспать: начнется затмѣніе въ половинѣ 12-го, а окончится въ часъ ночи. Черную земную тѣнь въ началѣ можно будетъ замѣтить на нижней части Луны; потомъ темное пятно понемногу переберется къ правому краю Луны.

На нашихъ звѣздныхъ картахъ мы, среди знакомыхъ созвѣздій, уже не найдемъ Кита. Оріонъ и яркій Сиріусъ окажутся на западѣ, низко надъ горизонтомъ.

Хорошо можно будетъ видѣть на небѣ созвѣздія Лебедя, Геркулеса и Дѣвы, которыя въ февралѣ еще невысоко поднимались надъ горизонтомъ. На юго-востокѣ найдемъ новое созвѣздіе Ворона. Овенъ, Телець и Плеяды окажутся на сѣверо-западѣ; поэтому они изображены на сѣверной картѣ.

Волопасъ съ яркимъ Арктуромъ поднимется выше и перейдетъ на юго-востокъ. Наконецъ, Большую Медвѣдицу найдемъ прямо надъ головой; часть ея звѣздъ пришлось начертить на сѣверной, а остальные на южной картѣ (наверху).

Обѣ знакомыя намъ планеты, Сатурнъ и Марсъ, можно будетъ наблюдать и въ мартѣ.

А. Лойдисъ.

Историческій календарь.

1-го Марта 1564 года была напечатана первая въ Россіи книга. Было это въ царствованіи Ивана Грознаго. До тѣхъ поръ всѣ книги на Руси переписывались, и дѣлалось это иногда очень небрежно и съ ошибками. Грозный говорилъ: „Божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ, а написавъ, не исправляютъ. Опись (описка) къ описи прибавляется и недописи и точки неправильныя. И по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ читаютъ и поютъ, и учатся, и пишутъ съ нихъ“.

А царство Московское все увеличивалось, все больше и больше строилось въ немъ церквей, все больше требовалось для нихъ книгъ богослужебныхъ. И сталъ царь помышлять, какъ бы сдѣлать печатныя книги, какъ ихъ дѣлали у грековъ, итальянцевъ и у другихъ народовъ, чтобы впредь святыя книги излагались правильно.

Думалъ Грозный, кого бы ему выбрать для такого труднаго дѣла, и выбралъ діакона Ивана Федорова. Удаченъ былъ выборъ. Иванъ Федоровъ былъ человѣкъ умный, начитанный, съ твердой волей, а главное съ огромной любовью къ своему дѣлу. Онъ не только умѣлъ печатать книги, но самъ могъ приготовить все для этого нужное. Самъ отливалъ формочки для буквъ и заготовлялъ мѣдныя доски для печатанія.

На мастерство свое смотрѣлъ, какъ на „богоизбранное дѣло“. Выбравъ печатника, царь „повелѣлъ устроить домъ отъ своея царскія казны, гдѣ бы печатному дѣлу строиться“, то-есть, устроилъ на свой счетъ типографію и сталъ вызывать въ Москву умѣлыхъ людей на подмогу Ивану Федорову и

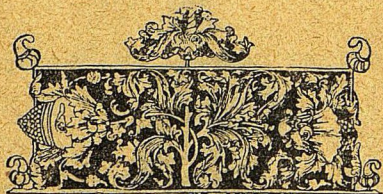
его товарищу Петру Мстиславцу, которые назывались главными „дѣлателями.“

Въ то время, какъ устраивали типографію, шла и другая работа: исправляли книги, выбранныя для печатанія. Когда все было готово, приступили къ новому дѣлу и въ мартѣ 1564 г. окончили печатаніе „Дѣяній и посланій Апостольскихъ“ или, какъ сокращенно называютъ эту книгу, „Апостола“.

Прекрасно исполнилъ свою работу Иванъ Федоровъ, но чѣмъ она была лучше, тѣмъ сильнѣе ненавидѣли его переписчики. Они понимали, что, если начнется печатаніе книгъ, то ихъ работнику уже не понадобится, и злобствовали на искуснаго книгопечатника. Такъ злобствовали, что подожгли типографію, а Федорова и Мстиславца грозили убить.

Оба печатника принуждены были бѣжать за предѣлы родины, но и на чужбинѣ Иванъ Федоровъ не оставилъ любимаго дѣла. Онъ побывалъ въ нѣсколькихъ городахъ и повсюду устраивалъ типографіи. И всѣ напечатанныя имъ книги отличались четкостью, чистотою и красотой. Онъ всего больше боялся, какъ евангельскій лѣнивый и лукавый рабъ, зарыть въ землю данный ему отъ Бога талантъ, и работалъ неустанно, сравнивая себя съ сѣятелемъ, который сѣетъ въ мѣръ сѣмена духовныя.

Но упорная, добросовѣстная и мастерская работа плохо

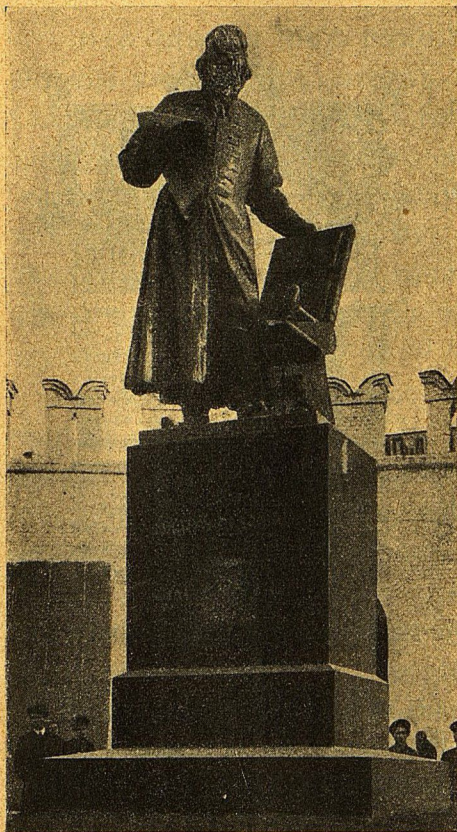

ДѢЯНІЯ И ПОСЛАНІЯ АПОСТОЛЪ

Првое слово створиша боиѣхъ, 32
 Сидофанъ . бнихъ началъ , тв
 интиже ичунти . донитки дие .
 запиваеаъ апламе дхмъ стѣи .
 нуки нзсрв вззниса . прннмн
 же апостолъ шъ жива пострад
 еиъ стѣи . вланихъ истинныхъ знаме
 нійхъ . днми устѣи десятиа бава
 ма нмъ нгаа нже буртѣи бжн . еи
 тнже нгаа . пивлбаше нгаа шпрлан
 ма ншаватнса . нн жадн обѣтъваніе
 стѣи . нже слшаше южене . нже шланнъ
 стѣи . стѣи нга стѣи . стѣи нмате нн
 стѣи нга стѣи . стѣи нмате нн

Первопечатный Апостолъ 1564 года.

вознаграждалась. Не суждено было Ивану Федорову, какъ и большинству замѣчательныхъ людей, пожить въ спокойствіи, довольствѣ и счастіи. Долго онъ скитался по чужимъ городамъ и умеръ вдали отъ родины, въ одиночествѣ и нищетѣ.

Памятникъ первопечатнику Ивану Федорову въ Москвѣ.

Но сѣмена, брошенные имъ въ родную землю, дали богатый всходъ. вмѣсто сгорѣвшей первой типографіи, начали строить новыя, книжное дѣло принялось; кромѣ духовныхъ книгъ, стали печатать и свѣтскія, и знаніе забрезжило, какъ заря, надъ темной страной.

Теперь мы не можемъ себѣ представить жизни безъ книгъ и съ любовью и благодарностью вспоминаемъ нашего перваго книгопечатника.

14 Марта 1583 года принималъ въ Москвѣ Грозный царь Иванъ Васильевичъ посольство отъ **Ермака**, поклонившагося ему, царю, даромъ великимъ, по

богатству неслыханнымъ, цѣлымъ имъ, Ермакомъ, завоеваннымъ царствомъ Сибирскимъ.

Побѣдитель царства Сибирскаго былъ рода безвѣстнаго, долго на Волгѣ бурлакомъ работалъ и звали его Василиемъ

Тимофѣвичемъ, а когда артель его своимъ кашеваромъ выбрала, стали его Ермакомъ, что значитъ большой котель, прозывать. И такъ это прозвище за нимъ на всю жизнь и осталось.

Прискучила Ермаку работа бурлацкая, пошелъ онъ къ казакамъ донскимъ удалымъ, сталъ вмѣстѣ съ ними русскія земли отъ турокъ и татаръ беречь.

Что дальше, то больше расходилась въ Ермакѣ сила молодецкая и такъ разошлась, что и удержи ей не стало. Пересталъ Ермакъ разбирать, гдѣ други, гдѣ недруги, сталъ и своихъ за одно съ врагами прихватывать.

Скоро вокругъ удалого Ермака цѣлый отрядъ такихъ же, какъ онъ, удальцовъ собрался, и выбрали они его своимъ атаманомъ. Показался удальцамъ тихій Донъ тѣсенъ, понадѣлали они лодокъ легковѣсныхъ и грянули внизъ по Волгѣ рѣкѣ. На Каспій выплыли. Стали здѣсь на турецкіе корабли налетать. Налетятъ, корабль разобьютъ, людей перебьютъ, потопятъ, товары себѣ заберутъ, выйдутъ на берегъ круто-красный, понакроютъ пески желтые, разсыпные коврами бархатными и пируютъ. Отпируютъ и опять на грабежъ на своихъ суденышкахъ полетѣли.

Слава объ удаломъ атаманѣ и его молодцахъ-товарищахъ до самой Москвы, до царя дошла. А только скоро стали поговаривать, что Ермакъ не только одни бусурманскіе корабли топить, а что и русскимъ, царевымъ отъ него проѣзда ни по Волгѣ, ни по Каспію нѣтъ. А еще слухъ пошелъ, что атаманъ убилъ посла персидскаго, того самаго, который къ Грозному царю отъ своего царя съ дарами по Волгѣ-рѣкѣ плылъ. Какъ дознались, что это правда истинная, стали Ермака съ его товарищами разбойниками называть, а Грозный царь приказалъ атамана съ его главнымъ товарищемъ, Иваномъ Кольцо, изловить и повѣсить.

Цѣлое войско на казаковъ-разбойниковъ тронулось.

Многихъ изъ удальцовъ перебили и перевѣшали, а другимъ убѣжать удалось.

Убѣжали Ермакъ, да товарищъ его Иванъ Кольцо, да казаковъ съ ними 540 человекъ.

Убѣжалъ Ермакъ отъ гнѣва царскаго, отъ смерти ушелъ, а не радуется.

Напала на него, Ермака, тоска лютая. Далеко завела его воля вольная, удалъ молодецкая: вышелъ на Волгу онъ добрымъ молодцемъ, сдѣлался на Волгѣ царскимъ слушникомъ и измѣнникомъ. Никуда показаться нельзя ни ему, ни товарищамъ его вѣрнымъ: по Волгѣ ходить—все ворами слытъ; въ Казань, Астрахань пойти—повѣшену быть.

Раскручинился вольный казакъ:

— Ужъ нашелъ же ты, Ермакъ, свою долюшку! Мотался, мотался по чистому полю, да по синему морю и выслужилъ ты себѣ отъ царя награду—всего-то два столбика съ перекладинкой, а на ней только петля шелковая.

Собралъ атаманушка своихъ удальцовъ на бесѣдушку.

— Какъ намъ быть, друзья-товарищи?—спрашиваетъ.

И порѣшили на этой бесѣдушкѣ казаки на службу къ боярамъ Строгановымъ проситься. Знали, что тѣ всегда ратнымъ людямъ рады.

Строгановымъ Грозный царь по Камѣ рѣкѣ земли до Уральскихъ горъ, до самаго Сибирскаго царства, пожаловалъ.

А только Строгановы своими силами съ наибольшимъ сибирскимъ княземъ Кучумомъ, тѣмъ, которому всѣ другіе сибирскіе князья и народы: остяки съ вогуличами и самоѣды всѣ дань платили,—справиться не могли. Строгановы городки строили, землю пахали, а племянникъ Кучума, богатырь Махметъ-Куль, все раззорялъ. Стали Строгановы у Грознаго дозволенья про-

силь за Уральскія горы передвинуться, тамъ крѣпостей понастроить, чтобы не пускать къ себѣ раззорителей. Царь имъ это дозволилъ, да помощи никакой не прислалъ, а у самихъ Строгановыхъ на это дѣло силы не хватало.

Вотъ въ это время, какъ разъ, и явились на Каму Ермакъ съ Иваномъ Кольцо и товарищами.

Съ радостью приняли Строгановы на свою службу казаковъ и 1 сентября 1581 года, одѣливши деньгами, съѣстными припасами, одеждой, ружьями, пушками небольшими, свинцомъ и порохомъ, отпустили отрядъ въ 840 человекъ въ страны невѣдомыя, на грознаго салтана Сибирскаго.

Сѣли казаки на свои суденышки легковѣсныя, посадили съ собой проводниковъ, сибирскій путь знающихъ. Переводчиковъ-толмачей, бусурманскій языкъ понимающихъ, прихватили и къ Уральскимъ горамъ поплыли.

Четыре дня шель Ермакъ вверхъ по Чусовой рѣкѣ до устья рѣки Серебряной; по Серебряной два дня плыли, все по мѣстамъ дикимъ, безлюднымъ. Доплыли до пути Сибирскаго, здѣсь высадились, земляной городокъ поставили, назвали его „Ермакомъ“. Съ этого мѣста до рѣки Жаровли уже пѣшими казакамъ итти пришлось. Попробовали они свои суденышки за собой волокомъ тащить, съ первымъ же надсадились. Побросали лодки, всю кладь на себя взяли, пошли. Такъ, живого человека не встрѣтивши, до рѣки Жаровли добрались. Здѣсь они новыхъ суденышковъ понадѣлали и Жаровлею въ Туру выѣхали, а здѣсь ужъ Сибирская страна началась.

Широко страна Сибирская пораскинулась, давно слухъ прошелъ объ ея рѣкахъ многоводныхъ рыбныхъ, о ея лѣсахъ, гдѣ горностаи, соболи, куницы, да лисицы бурья кишмя кишатъ, объ ея горахъ, гдѣ груды золота, серебра, камней драгоценныхъ да руды всякой безъ числа запрятано.

А людей почитай что не видать: такъ, кое-гдѣ, вблизи рѣчнаго берега, небольшіе татарскіе поселки юрты чернѣются. Въ каждой юртѣ свой князекъ и всякій князекъ своимъ наибольшимъ князя Кучума, что въ серединѣ страны въ большой юртѣ живетъ, почитаетъ. Ему князьки и дань платятъ, его и владѣльцемъ всей Сибири считаютъ.

Путь Ермака.

Какъ завидѣлъ одинъ изъ князьковъ на рѣкѣ суденышки казацкія, всполошилъ онъ всю татарву ближнюю. Выбѣжали татары на берегъ, стали изъ луковъ стрѣлами удалцовъ обстрѣливать, а тѣ имъ въ отвѣтъ, какъ грянуть ружейнымъ огнемъ.

Никогда еще татарва ружей не видывала. Подумали они, что это небесный огонь съ громомъ разить ихъ, и въ страхѣ всѣ ничкомъ попадали. Лежатъ—не шевелятся, а какъ голуу кто изъ тѣхъ, что похрабрѣе, подыметъ,—казаки опять изъ ружей палятъ. Уткнувшись внизъ носами, татары замерли, а казаки уже между ними ходятъ, среди лежащихъ наибольшаго ихъ выглядываютъ. Разглядѣли князька по одеждѣ богатой, на ноги поставили и велѣли ему все себѣ рассказать: и какимъ путемъ до салтана сибирскаго дойти, и много ли войска у Кучума грознаго. И еще приказали казаки тому князьку самому къ Кучуму итти и все ему о казакахъ, что видѣлъ онъ, рассказать. И никакого больше зла татарвѣ не сдѣлавши, сѣли казаки на свои лодочки легкія и дальше поплыли. Отѣхавъ немного, порѣшили войско свое приумножить. Людей среди безлюдья взять было негдѣ, такъ они ихъ изъ соломы понадѣлали, въ кафтаны, шапки нарядили, и стало дружины у нихъ противъ прежняго вдвое. Да и дружина какая! Прямо безсмертная. Поставятъ такого дружинника казаки впереди себя, и татары дивуются:

Каковы русскіе люди крѣпкіе,
Что ни одинаго убить не могутъ ихъ.
Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ, какъ въ снопики налѣплено,
Только казаки всѣ невредимы стоятъ.

Все дальше и дальше въ страну забираются казаки, а слава впереди ихъ бѣжитъ.

Князьки ужъ и биться не хотятъ, прямо съ данью бѣгутъ.

А къ Кучуму, въ его столицу Искеръ, что значить „Сибирь“, со всѣхъ сторонъ вѣсти доходятъ: сильны русскіе воины: когда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, то огонь пышетъ, дымъ выходитъ, и громъ раздается, до смерти побиваютъ; ущититься отъ нихъ ничѣмъ нельзя, все на-вылетъ пробиваютъ“.

А колдуны вѣшіе недобрые сны видятъ: городки татарскіе съ золотыми крестами надъ юртами имъ снятся. Не къ добру это.

Печаль и раздумье на хана напали.

Собралъ онъ войско большое, съ нимъ племянника своего, богатыря царевича, Махметъ-Куля, на встрѣчу страшнымъ воинамъ выслалъ. А самъ не пошелъ, потому что слѣпой былъ.

Вышелъ Махметъ-Куль къ Ермаку. У царевича и конница, и пѣхота, и сила большая. А казаковъ передъ ними горсть единая, да къ тому же и раненые есть, да и пріустали всѣ порядкомъ. Путь далекій, не легкій они до Искера сдѣлали. Пріуныли казаки.

А Ермакъ говоритъ:

— Братцы! куда намъ бѣжать? Время осеннее. Въ рѣкахъ уже ледъ смерзается. Не побѣжимъ,—худой славы не примемъ, укоризны на себя не положимъ. Будемъ на Бога надѣяться. Онъ, кому хочетъ, побѣду даетъ. Вспомнимъ братцы, обѣщаніе, которое дали мы честнымъ людямъ Строгановымъ. Назадъ со стыдомъ возвратиться нельзя, а побѣдимъ—слава наша вѣчная будетъ.

Поняли казаки, что атаманушка ихъ правду говоритъ. Пріободрились. Въ бой съ пѣснями пошли. Терять нечего. А тутъ—случай разбойничью недобрую славу покрыть, всѣ вины прежнія искупить.

Закипѣлъ страшный бой.

Казаки едва успѣваютъ ружья заряжать. Кучумъ на высокую гору возлѣ своей столицы поднялся. Здѣсь его подвластные князья окружили. Стоитъ Кучумъ, вмѣстѣ съ муллами Богу молится. Разстрѣляли татары всѣ свои стрѣлы, казаки весь порохъ извели. Перешелъ бой въ рукопашную.

Не жалѣли жизни своей разбойники недавніе. Хотѣлось имъ вины свои заслужить. Бились они, себя не щадя, и побѣда за ними осталась. Махметъ-Куль раненъ былъ. Татарва въ бѣгство пустилась, князьки, увѣрившись въ неудачѣ, съ горы отъ Кучума бросились. Понялъ старый Кучумъ, что бѣда пришла, поблагодарилъ Бога, что его слѣпые глаза позора не видятъ, бросился въ свой городъ, забралъ пожитковъ, сколько могъ, и дальше, въ глубь страны побѣжалъ.

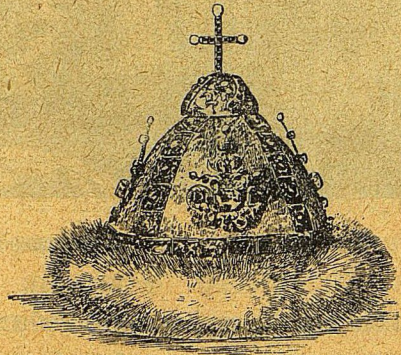

Ермакъ покоритель Сибири. Горько плакалъ старый Кучумъ, себѣ по Сибири пристанище выбирая, заступниковъ отъ казаковъ выискивая. Никто ему помощи не давалъ. Всѣ мелкіе князьки отъ него сразу отложились.

— Кого Богъ не милуетъ, — говорилъ старикъ, — того и друзья бросаютъ.

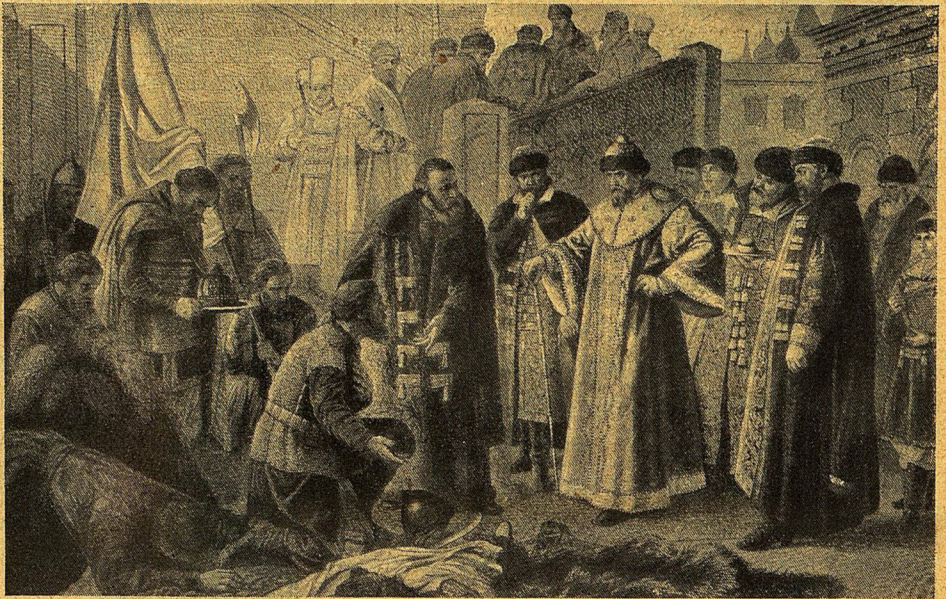
А Ермакъ съ удальцами своими въ брошенную княземъ столицу вошелъ. И пора было. Зима лютая какъ разъ подошла. Не выдержать бы ее безъ надежнаго пристанища казакамъ. Обносились, изголодались они, да къ тому же еще не было между ними ни одного человѣка цѣлаго: всѣ раненые.

Боялись казаки, что окрестные князьки ихъ въ Искерѣ тревожить начнутъ снова, биться дальше у нихъ уже силы не было. А князьки только о томъ заботились, чѣмъ бы грозныхъ

Шапка Сибирскаго царства.

побѣдителей умилоствитъ. Всякіе дары и запасы несли имъ: хлѣбъ, медъ, мѣха драгоцѣнные. Сами данью себя обложить предлагаютъ. Раньше Кучуму платили, а теперь тому, кто Кучума сильнѣе оказался, даютъ. Ласково ихъ Ермакъ при-

Иванъ Грозный принимаетъ посольство Ермака. Картина С. Растворовскаго.

нималъ, безъ всякой обиды по юртамъ отпускалъ, а имъ только того и надобно было, только того и хотѣли они, чтобы ихъ съ семьями не трогали.

Перезимовалъ Ермакъ въ Искерѣ, а весной, какъ разошлись рѣки, въ глубь страны съ войскомъ своимъ пошелъ. Такъ дошелъ онъ до Оби-рѣки, до болотъ насквозь промерзшихъ, непроходимыхъ. Не захотѣлъ Ермакъ здѣсь свое войско губить, назадъ къ Искеру повернулъ, а отсюда уже къ

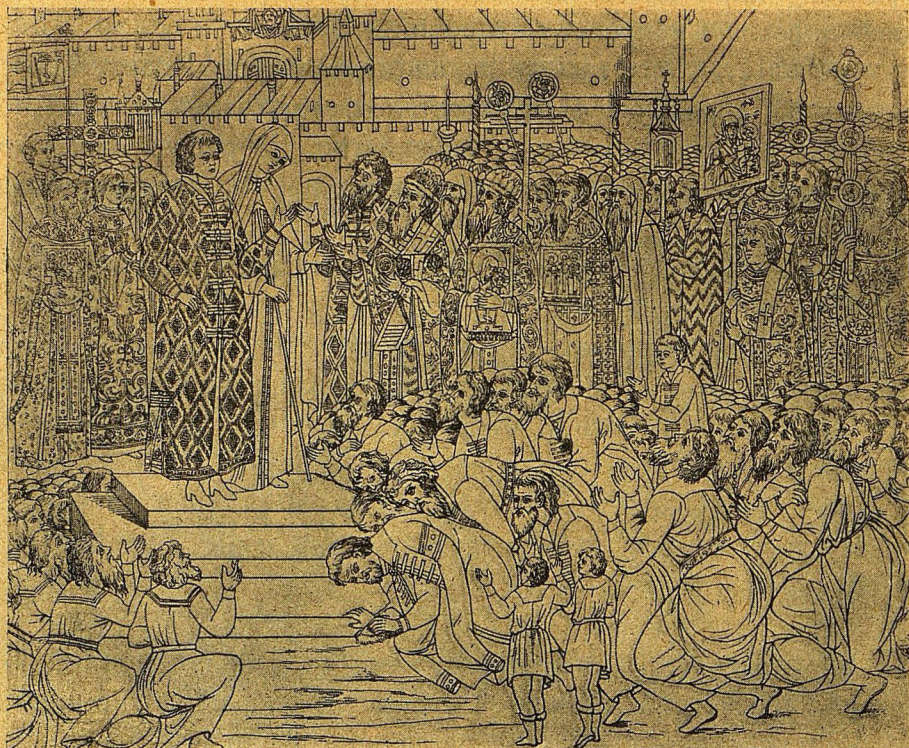
Грозному царю посольство съ богатыми дарами изъ завоеваннаго царства Сибирскаго отправиль.

Посольство онъ своему главному товарищу Ивану Кольцо поручиль. Самъ въ Искерѣ остался. Много ли мало ли посольство въ пути пробыло, — неизвѣстно. Добралось оно, наконецъ, до Москвы и, съ богатыми дарами, предъ царскія грозныя очи предстало.

— Бьетъ тебѣ челомъ, государь, атаманъ нашъ Ермакъ Тимофѣевичъ царствомъ Сибирскимъ.

И Грозный царь на радостяхъ не только всѣ вины казакамъ отпустилъ, а еще и пожаловалъ ихъ великимъ своимъ жалованьемъ, деньгами, сукнами, парчей дорогой. Оставшимся въ Сибири государь тоже послалъ свое полное большое жалованье, Ермаку казны и тканей дорогихъ послалъ и велѣлъ величаться съ той поры ему княземъ Сибирскимъ.

13 Марта 1613 г. пріѣхали въ Кострому московскіе послы просить на царство Михаила Феодоровича Романова. 14 Марта 1613 года московскіе послы пошли съ крестнымъ ходомъ и со всѣми Костромичами въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ жилъ шестнадцатилѣтній, выбранный въ цари Михаилъ Феодоровичъ, вмѣстѣ съ матерью инокинею Марѳою. Когда Марѳа Ивановна узнала, зачѣмъ къ ней явились послы, она прежде всего испугалась и стала говорить, что не готовила сына для такого великаго и труднаго дѣла. Долго пришлось посламъ и народу уговаривать и просить мать. Наконецъ, уступая просьбамъ, она согласилась и благословила сына на царство.

Избраніе на царство Михаила Феодоровича. Изъ рукописи XVII вѣка.

5 Марта 1861 г. въ Прощеное Воскресенье, въ Петербургѣ, со всѣхъ амвоновъ въ церквахъ раздавались слова манифеста: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови Божіе благословеніе на твой свободный трудъ...“

Слушали люди, затаивъ дыханіе.

Воля! Свобода!

— Господи! Неужто же правда? Неужто же никто не можетъ больше продавать людей, отнимать дѣтей у родителей, разлу-

чать женъ съ мужьями, не смѣютъ наказывать розгами, бить, мучить! Сколько, вѣдь, лѣтъ мучились, дѣды, прадѣды мучились... Неужто намъ счастье такое? Можетъ, это только такъ, въ церкви говорятъ, утѣшаютъ?

Выходитъ народъ изъ церквей на улицы, а на улицахъ, на всякомъ перекресткѣ бумаги расклеены, и толпятся возлѣ нихъ люди. Головы вверхъ подняли, кто по-складамъ разбираетъ, кто громко читаетъ, а кто про себя то, что читаютъ, повторяетъ.

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ...“ раздается подъ яснымъ небомъ. Солнышко выглянуло. Пригрѣло. Стекляннымъ звономъ разсыпаются на мостовой подтаявшія ледяныя сосульки. Капѣль застучала.

„Призови Божіе благословеніе на твой свободный трудъ...“ Это то, что въ церкви читали! То самое! Значить, правда, если и въ церкви, и на улицахъ...

— Воля, братцы, пришла!—раздается чей-то радостный крикъ. И всѣ, какъ одинъ человѣкъ, снимаютъ шапки, крестятся.

А колокола такъ и гудятъ.

— Точно въ Свѣтлый праздникъ,—говоритъ кто-то въ толпѣ.

— Да и впрямь Свѣтлый праздникъ. Ужъ чего свѣтлѣе, чего радостнѣе! Христось Воскресь!

— Воистину Воскресь!

Цѣлуютъ другъ друга люди, обнимаются, поздравляютъ. Цѣлуютъ и поздравляютъ своихъ и чужихъ, да и нѣтъ чужихъ въ этотъ радостный великій день: радость у всѣхъ одна, и такая она огромная, что всѣхъ сразу своими сдѣлала: и барина, и крестьянина.

А колокола такъ и гудятъ, сосульки со звономъ съ крышъ срываются, снѣгъ залѣжавшійся кое-гдѣ подтаялъ и первыми тоненькими ручейками по улицамъ побѣжалъ.

На Марсовомъ полѣ въ Петербургѣ послѣдній день масляничнаго гулянья. Развѣваются пестрые флаги, вездѣ балаганы, карусели, качели, по-праздничному радостные люди, а обычнаго разгула нѣтъ. Лица у всѣхъ радостныя, взволнованныя. Собираются кучками, разговариваютъ. Говорить есть о чемъ. Спрашиваютъ, другъ другу толкуютъ, и вдругъ крикъ раздался: „Царь ѣдетъ!“ и вся толпа хлынула къ тому мѣсту, гдѣ проѣзжалъ государь.

— Ура! Царь-батюшка! Освободитель!

Летятъ на воздухъ картузы и шапки. И поверхъ всѣхъ обнаженныхъ головъ — голова царя. Свѣтло и радостно его лицо. „Освободитель!“ Лучше и больше этого слова нѣтъ на землѣ.

— День этотъ — счастливѣйшій день въ моей жизни! — сказалъ онъ своей маленькой любимицѣ-дочери въ манежѣ, гдѣ самъ читалъ манифестъ народу.

Счастливый, великій день!

Всѣ, кто помнятъ этотъ день, рассказываютъ, что было тогда необыкновенно ясно и тепло, и что весна 1861 г. была особенно хороша. Да развѣ и могло быть иначе! Въ эту весну, вмѣстѣ съ солнцемъ и весенними водами, во всѣ концы Россіи приходила вѣсть о свободѣ. Радостью разливалась она по деревнямъ и селамъ, радостью прокатилась по непросохшимъ еще дорогамъ и, вмѣстѣ съ пѣснями жаворонка, стала надъ освобожденной отъ снѣговъ землей.

Обо всемъ понемногу.

Бумага.

Въ ямѣ, среди всякаго мусора и хлама, валяется тряпка. Когда-то она на полѣ льномъ зеленѣла, потомъ изъ льна холстъ сдѣлали, изъ холста рубашку сшили. Берегли рубашку, мыли,

гладили, а изорвалась-износилась—затерли и выбросили ненужную тряпицу. Но въ томъ то и дѣло, что часто ненужное на видъ можетъ превратиться въ очень нужное и полезное.

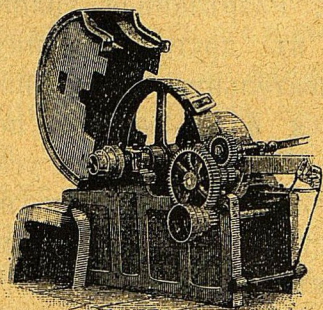

Рис. 1. Тряпкорубка.

Въ одинъ прекрасный день пришелъ тряпичникъ и, разгребая своей палкой съ крюкомъ мусорную яму, вытащилъ тряпку, засунулъ ее въ свой объемистый мѣшокъ и, вмѣстѣ съ другими тряпками, стащилъ на бумажную фабрику. Тутъ, въ большомъ амбарѣ передъ ящиками, стоятъ работницы и разбираютъ тряпки по сортамъ. Пыль въ амбарѣ такая, что ужасъ! Работницы завязываютъ платками носъ и ротъ, а брови и рѣсеницы у нихъ точно сѣдя. Не мудрено: чистыхъ тряпокъ мало, все больше грязныя, пыльныя. Ящики раздѣлены на нѣсколько отдѣленій: иногда ихъ бываетъ 10, 12 и даже больше. Работница должна осмотрѣть каждую тряпку и положить ее въ то или другое отдѣленіе, смотря по тому, изъ какой она ткани. Но работницы такъ привыкаютъ узнавать ткань съ перваго взгляда, что тряпки съ необыкновенной быстротой попадаютъ изъ общей кучи въ руки и потомъ разлетаются по отдѣленіямъ. Каждая работница въ день разбираетъ пудовъ 20 тряпья. Рядомъ съ амбаромъ находится другое помѣщеніе, тамъ тряпки распарываютъ и рѣжутъ. Если попадаютъ пуговицы, петли и крючки—ихъ отпарываютъ. Чтобы рѣзать тряпки, устраиваются длинные столы, съ воткнутыми посрединѣ ножами, остріемъ вверхъ. Съ помощью

Въ одинъ прекрасный день пришелъ тряпичникъ и, разгребая своей палкой съ крюкомъ мусорную яму, вытащилъ тряпку, засунулъ ее въ свой объемистый мѣшокъ и, вмѣстѣ съ другими тряпками, стащилъ на бумажную фабрику. Тутъ, въ большомъ амбарѣ передъ ящиками, стоятъ работницы и разбираютъ тряпки по сортамъ. Пыль въ амбарѣ такая, что ужасъ! Работницы завязываютъ платками носъ

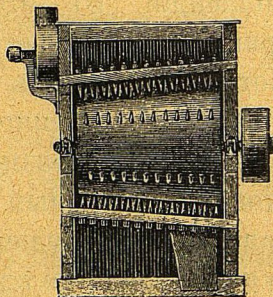

Рис. 2. Волкъ-машина.

этихъ ножей работницы сами разрѣзаютъ тряпки. А то употребляется еще машина, называемая *тряпкорубка*. На колесѣ этой машины насажены ножи. Они и разрѣзаютъ тряпье

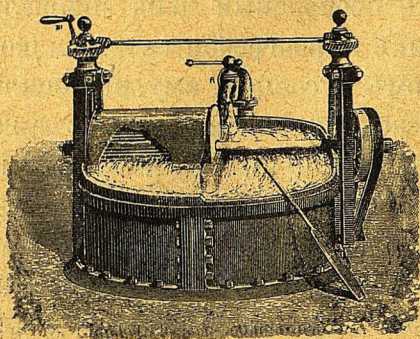

Рис. 3. Голландеръ.

(рис. 1). Разрѣзанное тряпье кладутъ въ другую машину, пылеотбивательную. Эта машина называется *волкъ - машина*, потому что внутри вся она усажена зубцами, похожими на волчьи зубы. Эти зубы, двигаясь, такъ ловко прогрызаютъ тряпье, что вся пыль и соръ удаляются (рис. 2). Послѣ этого тряпье промывается чистой водою, вываривается и попадаетъ въ третью машину. Она называется роль или голландеръ, потому что ее придумали въ Голландіи. Въ этой машинѣ тряпье размельчается (рис. 3). Потомъ его варятъ, или бучатъ, чтобы совершенно очистить, обезцвѣтить и размягчить. Для этого въ огромный котель наваливаютъ 60 пудовъ тряпья, и туда же кладется ѣдкая известь, или сода, или поташъ, и по трубамъ напускается горячій паръ. Изъ этой машины, называемой тряповарнымъ котломъ (рис. 4), тряпье выходитъ уже въ видѣ массы. Массу эту разбавляютъ водою, и она имѣетъ

Рис. 4. Аппаратъ для очищенія бѣлья.

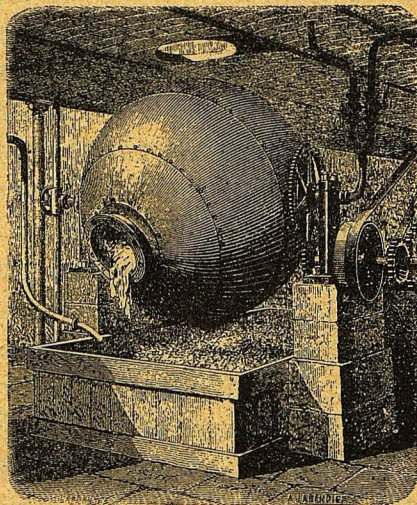

Рис. 4. Аппаратъ для очищенія бѣлья.

видъ молочной жидкости. Ее бѣлятъ, съ помощью газа, называемаго хлоромъ, если хотятъ сдѣлать бѣлую бумагу, а если цвѣтную—то прибавляютъ краски. Потомъ, чтобы придать массѣ большій вѣсъ, прибавляютъ мѣла, гипса и глины. Перемѣшиваютъ все и выливаютъ въ машину. Въ машинѣ жидкая масса идетъ по каналу, на днѣ котораго задерживается все, что еще осталось въ массѣ негоднаго для бумаги: песокъ, и другія ненужныя частицы. Пройдя по каналу, масса, уже въ совершенно чистомъ видѣ, попадаетъ на сѣтку. Сѣтка движется, и масса все болѣе и болѣе сгущается, такъ какъ вода стекаетъ внизъ черезъ отверстія сѣтки. Остаются только волокна, которыя, отъ движенія сѣтки поперекъ, переплетаются и соединяются. Дальше, двигаясь по сѣткѣ, масса попадаетъ и проходитъ между двумя валами, обшитыми войлокомъ. Тутъ уже масса превращается въ настоящую бумагу. Остается ее просушить, разрѣзать и отпрессовать. Чтобы получить толстую бумагу и шероховатую, ее не слишкомъ нажимаютъ и кладутъ между картонными листами, а чтобы бумага вышла тонкая и прозрачная—листы употребляютъ металлические.

Если разсматривать листъ бумаги на свѣтъ, то всегда виденъ бываетъ въ одномъ мѣстѣ на листѣ прозрачный узоръ. Это такъ называемый *водяной знакъ*.

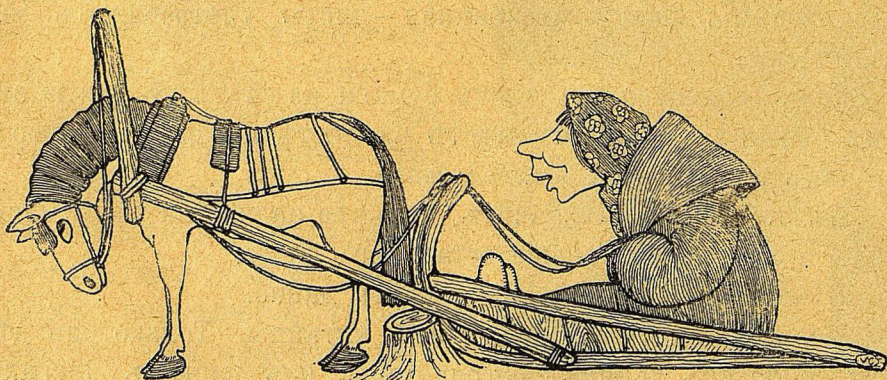
Въ этомъ мѣстѣ, значить, сильнѣе нажимали на бумагу, узоръ и получился тоньше остального листа.

Бумагу начали дѣлать давнымъ давно.

Первые придумали ее дѣлать китайцы. Только они дѣлали ее не изъ льняныхъ тряпокъ, а изъ частицъ другихъ растений. Частицы эти называются лубомъ.

Отъ китайцевъ научились дѣлать бумагу японцы и другіе сосѣдніе народы. Ученые арабы приготовляли бумагу глав-

нымъ образомъ для собственнаго употребленія, а потомъ стали устраивать заведенія для выдѣлки бумаги и въ Палестинѣ, и въ Африкѣ, и въ Испаніи. Оттуда искусство дѣлать бумагу перешло въ Германію, Францію и Италію. Въ XIV вѣкѣ появилась бумага и на Руси. Новгородъ Великій велъ торговлю съ иноземными купцами. Эти купцы и завезли бумагу въ Россію. У насъ долго употребляли все только заграничную бумагу, ну, а потомъ стали пробовать дѣлать ее и сами. Эти попытки долго были неудачны. Только при Петрѣ Великомъ дѣло пошло на ладъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ шло оно все успѣшнѣе, и заграницей, и у насъ, такъ какъ придумывались разныя новыя машины, и облегчался и ускорялся людской трудъ. Но всетаки, вы видите теперь, какъ много должно быть положено этого труда, чтобы изъ ненужной на видъ тряпки сдѣлать кусокъ бумаги. Много потерпѣла и переиспытала тряпка но, превратившись въ страницу умной, полезной и прекрасной книги, она не можетъ не быть довольна своей судьбой. Вотъ ужъ, можно сказать: „изъ грязи попала въ князи“.

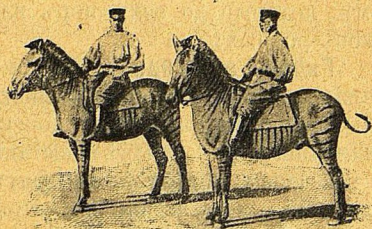
Умная голова.

Умная голова
Поѣхала по дрова.

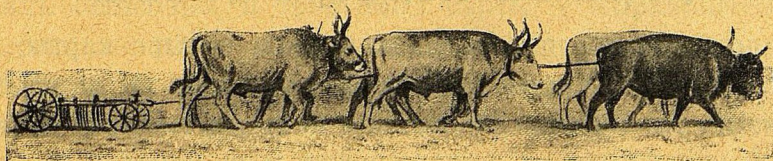
Зацѣпила за пенекъ,
Простояла весь денекъ.

Вѣсти отовсюду.

Обращеніе дикихъ животныхъ въ домашнихъ. Въ настоящее время въ Америкѣ и Азій пробуютъ пользоваться дикими животными, какъ домашними. Устроили, напримѣръ, цѣлый заводъ чернобурыхъ лисицъ. Онѣ привыкли къ людямъ, и драгоцѣнный ихъ мѣхъ, отъ хорошей пищи и умѣлаго ухода, становится въ неволѣ еще лучше и цѣнится еще дороже, чѣмъ мѣхъ дикой лисы. Удалось также сдѣлать изъ зебры прекрасную верховую лошадь, а бизоновъ впрягаютъ вмѣстѣ съ волами и пашутъ на нихъ землю.

Животныя изъ породы зебры, употребляемыя для верховой ѣзды.

Бизонъ, обрабатывающій землю вмѣстѣ съ волами.

Заграницей, въ баварскомъ городѣ Мюнхенѣ, открылось первое училище для увѣчныхъ дѣтей. Судьба увѣчныхъ дѣтей-бѣдняковъ самая горькая. Бѣдняки родители часто сами живутъ впроголодь и должны цѣлую жизнь содержать калѣку, потому что единственное, на что онѣ способны—это нищенство. Въ школы и въ ученіе убогихъ не принимаютъ. И вотъ, въ Мюнхенѣ открылась, наконецъ, школа для такихъ несчастныхъ. Тамъ ихъ учатъ грамотѣ, преподаютъ имъ разныя науки, а кромѣ того, каждаго ребенка, по его способностямъ, пристраиваютъ къ какому-нибудь ремеслу. Мальчики пріучаются къ письменнымъ работамъ. Мальчика безъ правой руки научаютъ писать лѣвой. Одинъ безрукій недурно пишетъ, крѣпко зажавъ перо между отростками первыхъ суставовъ, самихъ пальцевъ у него нѣтъ. Обучаютъ мальчиковъ портняжному, столярному и переплетному мастерству. Дѣвочки учатся шитью и рукодѣльямъ. Изъ безногихъ могутъ выйти портнихи, вышивальщицы, чулочницы. Въ этой школѣ дѣтей все время лечатъ, такъ что тѣ, для которыхъ возможно улучшение, становятся болѣе похожи на здоровыхъ людей. Очень помогаетъ многимъ гимнастика. Одинъ ребенокъ, не владевшій ногами, окрѣпъ настолько, что пробуетъ вставать, другой начинаетъ

шевелить пальцами на рукѣ, висѣвшей у него, какъ плеть, при его поступленіи въ школу. Многіе, кто погибъ бы окончательно безъ должнаго присмотра, теперь спасены отъ смерти. Но самое важное это то, что новая школа даетъ возможность трудиться и жить своимъ трудомъ тѣмъ несчастнымъ, которые до сихъ поръ или нищенствовали, или жили на счетъ бѣдняковъ-родныхъ.

Гибель авиаторовъ. Въ концѣ января погибли въ Севастополѣ два лучшие авиатора: штабсъ-ротмистръ Леонъ и штабсъ-капитанъ Янышъ. Причины несчастья такъ и не доискались. Погода при полетѣ была совершенно тихая, аппаратъ — вполне испытанный. Поднялись авиаторы прекрасно, и вдругъ, на глазахъ у зрителей, аппаратъ наклонился на бокъ и стремглавъ полетѣлъ внизъ. Прибывшіе на автомобиляхъ на мѣсто несчастья застали только догорающій костеръ. Потушили огонь и вытащили два обугленныхъ трупа. Эта непонятная гибель лишній разъ доказываетъ, что въ области воздухоплавания есть еще много неизслѣдованнаго.

Игра въ подборъ словъ.

Надо вырѣзать изъ твердой бумаги четыре карты, величиной съ обыкновенныя игральныя карты, и на каждой изъ нихъ написать четыре слова, одно подъ другимъ. Эти четыре слова должны быть въ одномъ родѣ и по смыслу подходить одно къ другому. Напримѣръ: *лѣто, осень, зима, весна*. На первой картѣ сверху должно стоять слово; „лѣто“ и его надо подчеркнуть. На второй картѣ должно стоять сверху слово: „осень“, на третьей—„зима“, на четвертой—„весна“.

Никакъ нельзя, чтобы двѣ карты начинались съ одного и того же слова. Четыре карты составляютъ одну группу. Чѣмъ больше приготовить группъ, тѣмъ больше ихъ можно раздать играющимъ, и тѣмъ интереснѣе игра. Когда карты розданы, каждый смотритъ на первыя слова своихъ картъ, чтобы узнать, нѣтъ ли у него цѣлой группы. Если картъ очень много, то возможно сразу найти цѣлую группу, но это случается рѣдко. Обыкновенно каждый находитъ у себя двѣ или три карты одной группы. Значитъ, ему надо получить недостающія карты. Онъ можетъ ихъ спрашивать у кого захо-

четь изъ играющихъ. Игру начинаетъ сидящій слѣва отъ сдающаго. Предположимъ, что у него на рукахъ оказались двѣ карты съ подчеркнутыми словами: „лѣто“ и „зима“. Тогда онъ обращается къ кому-нибудь изъ играющихъ и говоритъ:

— Дайте мнѣ, пожалуйста, „весну“.

Если у того, къ кому онъ обратился, есть карта съ подчеркнутымъ словомъ „весна“, то онъ долженъ отдать ее спрашивающему, а отъ него получить взамѣнъ другую карту, которая спрашивающему не нужна.

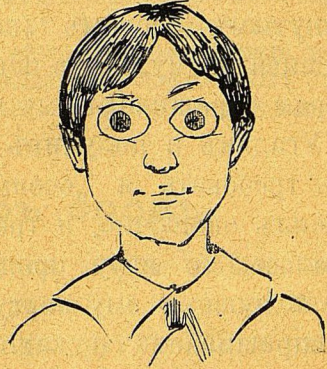
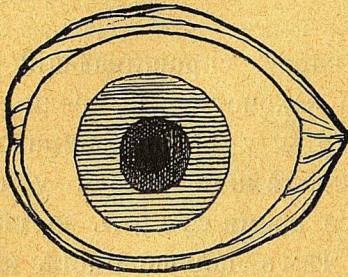
Угадавъ и получивъ нужную карту, спрашивающій можетъ требовать и „осень“, у кого захочетъ. Но, если онъ спросилъ ошибочно, и требуемой карты у спрашиваемаго не оказалось, то игру продолжаетъ послѣдній, требуя у кого хочетъ нужную ему карту. Надо все время слѣдить за тѣмъ, кто спрашиваетъ и какія карты. Чѣмъ дальше идетъ игра, тѣмъ легче становится догадываться, у кого какія карты и подъ конецъ можно спрашивать карты безошибочно. Подобравъ группу изъ четырехъ картъ, играющій показываетъ ее остальнымъ и откладываетъ въ сторону, а самъ начинаетъ подбирать слѣдующую группу. Выигрываетъ тотъ, кто первый подберетъ всѣ группы.

Вотъ слова, подходящія для картъ.

1 группа: сѣверъ, югъ, востокъ, западъ. 2 группа: огонь, земля, вода, воздухъ. 3 группа: Красная шапочка, Бѣлоснѣжка, Спящая красавица, Золушка. 4 группа: солнце, луна, звѣзда, комета. 5 группа: музыка, поэзія, живопись, ваяніе. 6 группа: Россія, Германія, Франція, Англія. 7 группа: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Толстой. 8 группа: прадѣдъ, дѣдъ, отецъ, сынъ. 9 группа: орелъ, соколъ, аистъ, соловей. 10 группа: золото, серебро, мѣдъ, желѣзо, и т. д.

Орѣховыя глазища.

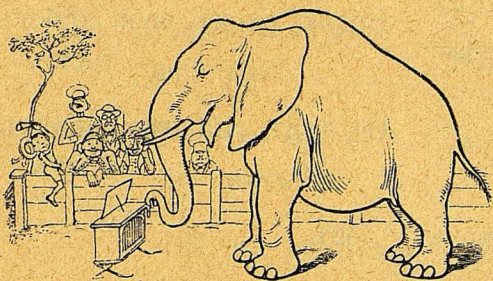
Если читатель недоволенъ своими глазами, которые не производятъ на окружающихъ должнаго впечатлѣнiя, то горю помочь очень нетрудно. Возьмите грецкiй орѣхъ, расколите его ножичкомъ по шву, не ломая скорлупы, и скушайте сердку.

Потомъ возьмите шило и провертите посрединѣ каждой половины скорлупку круглую дырку. Только вертите осторожно, чтобы скорлупку не сломать. Вокругъ этой дырки нарисуйте глазъ: сперва маленькiй черный кружокъ, потомъ синiй побольше, а затѣмъ бѣлый почти во всю скорлупу. Лучше всего употребить для этого эмалевую краску, которою раскрашиваютъ теракотовыя тарелки. Чтобы скорѣе высохло, можно прибавить сиккатива; онъ продается въ жидкомъ видѣ въ пузырькахъ. Когда краска высохнетъ, вставьте обѣ скорлупы на глаза, на подобiе того, какъ нѣкоторые франты вставляютъ монокль. Это будетъ красиво. Ваша собака навѣрно не узнаетъ васъ и будетъ лаять.

В. Каррикъ.

Тотъ веселѣ посмѣется, кому послѣд-
нему смѣяться приведется.

Въ зоологическомъ саду,
У всѣхъ прохожихъ на
виду,

Стоитъ огромный сѣрый
слонъ.

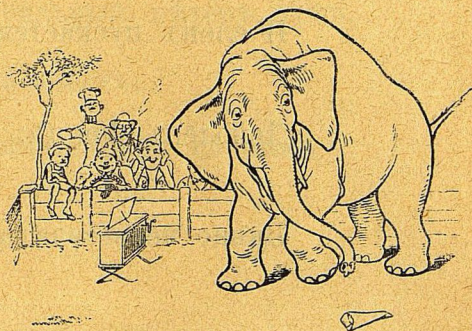
Шарманки ручку вертитъ
онъ,

Злой Фриць, чтобъ насмѣ-
шить зѣвакъ,

Придумалъ шутку, сдѣлалъ
такъ:

Онъ фунтикъ съ крѣпкимъ
табакомъ

Купилъ и бросилъ предъ сло-
номъ.

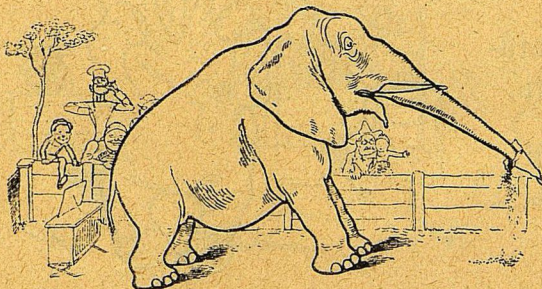

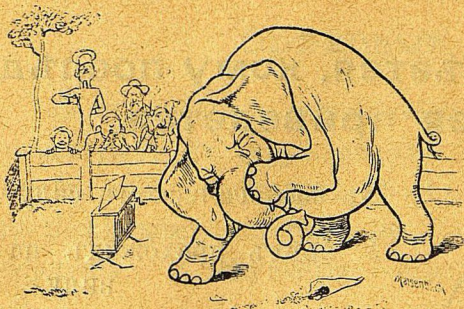
Слонъ съ любопытствомъ
посмотрѣлъ,

На хоботъ фунтикъ онъ
надѣлъ,

Его встряхнувъ, перевер-
нулъ

И разомъ весь табакъ
втянулъ.

Да какъ закрутить голо-
вой!

Щекочеть такъ, что хоть
завой.

Ногою слонъ свой хоботь
треть,

Но зудъ сильнѣе, вверхъ
идеть.

Теперь уже щекочеть лобъ.

И слонъ пускается въ галопъ...

Доволенъ Фрицъ: толпа зѣвакъ

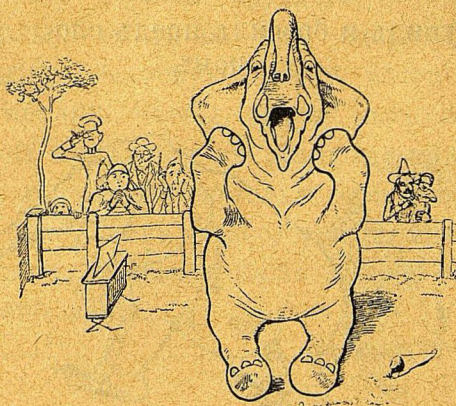
Давно не веселилась такъ.

Слонъ выбивается изъ силъ,

Но вдругъ свой бѣгъ оста-
новиль,

Сѣлъ, поднялъ голову и
ждеть,

Когда спасеніе придетъ.

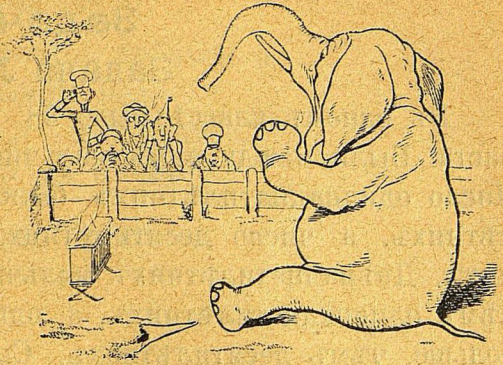

Шумъ, смѣхъ и крикъ со
всѣхъ сторонъ:

„Глядите, плачетъ бѣдный
слонъ!“

А слонъ раскрылъ огром-
ный ротъ

Да [какъ чи - чи - чи - чи -
чих - нетъ!!!

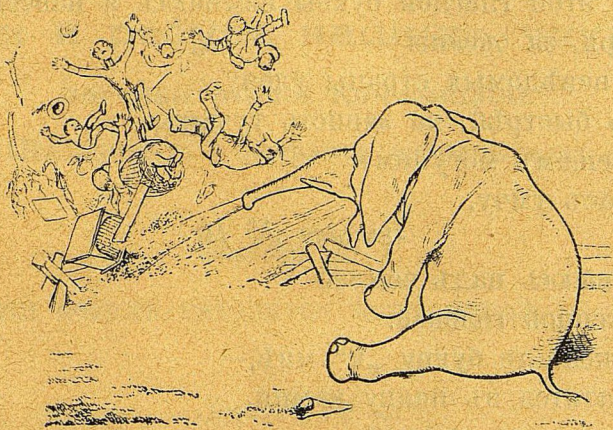

И, не успѣвши молвить: „Ухъ!“

Толпа, какъ въ сильный вѣтеръ пухъ,

Вся полетѣла кувырккомъ...

Впередъ—не смѣйтесь надъ слономъ.

Задачи.

Задача № 1.

Въ одномъ классѣ было 38 учениковъ различнаго возраста. Были между ними мальчики 10, 11, 12, 13 и 14 лѣтъ. Число одиннадцатилѣтнихъ было равно числу тринадцатилѣтнихъ, а число десятилѣтнихъ—числу четырнадцатилѣтнихъ. Двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ было на три больше, чѣмъ одиннадцатилѣтнихъ, а одиннадцатилѣтнихъ на пять больше, чѣмъ десятилѣтнихъ. Сколько мальчиковъ каждаго возраста было въ классѣ?

Загадки.

Загадка № 9.

Тамъ, гдѣ парусъ,—тамъ и я,
Такова судьба моя.
Въ первомъ слогѣ „е“ поставьте,
Замѣняя „а“,
И отъ этой гласной буквы измѣнюсь я навсегда:
За моря, за океаны
Я въ невѣдомыя страны улечу
Птицъ быстрѣй, на зависть тучамъ,
Дуновѣніемъ могучимъ
Васъ умчу.

Загадка № 10.

Возвышаюсь надъ землею
Обнаженной головой.
Но прибавьте букву „к“ мнѣ,—
Превратятся въ палку камни,
Стану я мала, скромна
И для прачечной нужна.

Загадка № 11.

Для ранняго дѣтства занятъе любимое я,
Но часто и взрослые любятъ меня.
А если вы „к“ вмѣсто „г“ мнѣ дадите,
— Со вкусомъ меня вы съѣдите.

Загадка № 12.

Вотъ задача, и легка
И не сложная совсѣмъ:
Часть руки я съ буквой „к“.
Хлѣба часть я съ буквой „м“.

Загадка № 13.

Мое начало—увеселенье,
Согласной буквою кончаюсь,
А вся я на верху строенья
Подъ самой крышей помѣщаюсь.

Загадки и ребусъ нашихъ читателей

загадки Маріи Кочевницкой.

(На вопросъ о возрастѣ не отвѣтила).

Загадка № 1.

Въ какой посудѣ находится часть лица?

Загадка № 2.

Въ какомъ насѣкомомъ можно найти кушанье?

Загадка № 3.

Въ какомъ чайномъ приборѣ заключается сапожный ма-
териалъ?

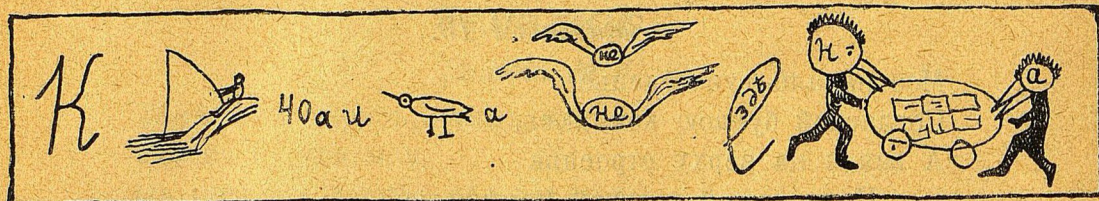
Загадка № 4.

Въ какомъ атмосферномъ осадкѣ заключается насѣкомое?

Загадка № 5.

Какая обувь имѣетъ страшную болѣзнь?

Ребусъ № 1.

Придумаль и нарисоваль Юра Бутковскій 8-ми лѣтъ.

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ во 2-мъ №.

Ребусъ № 2. У зайца трусливая душонка, да голова смы-
шленка.

Шарада № 3. За-плата.

Шарада № 4. Зубр-ил-а.

Загадка № 8. Когда она бѣжитъ рысью.

Редакт.-Издат.: П. Соловьева и Н. Манасина.

Соловьева П. С. (Allegro) „Елка“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками. 3-е изданіе.

Цѣна въ обложкѣ 35 к., въ переплетѣ 65 к.

ОДОВЕРЕНО для ученич. библи. младшаго возраста среди. учебн. завед. и для ученич. библи. низшихъ завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библи. низшихъ училищъ.

Соловьева П. С. (Allegro) „Семилѣтніа“. Народныя сказки. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

ОДОВЕРЕНО для ученич. библи. младшаго возраста среди. учебн. завед. и для ученич. библи. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библи. кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стих. Съ рисунк. Ц. 20 к.

ОДОВЕРЕНО для ученич. библи. младшаго возраста среди. учебн. завед. и для ученич. библи. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя бібліотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Разгадай-ка!“ Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Березкины именины“. Пьеса въ стих. Съ рисунк. автора. Цѣна 25 к.

ОДОВЕРЕНО для ученич. библи. низшихъ учебн. завед., пріютовъ, малолѣтн. отд. и пріготов. класс. среди. уч. завед. *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Няня“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 15 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Первое апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйств. Цѣна 10 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Чудесная ночь“. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп.

ДОПУЩЕНО въ библи. низш. учебн. зав., пріютовъ, малолѣтн. отд. и пріготов. класс. среди. уч. зав. *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Жизнь Хитролиса“. (Изъ старо-французскаго эпоса). Съ рисунками В. Рабье. Цѣна въ переплетѣ 2 р.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библи. городскихъ училищъ и признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученич. библи. среди. учебн. завед.

ОДОВЕРЕНО для ученич. библи. низшихъ учебн. завед., пріют., малолѣтн. отдѣл. и пріготов. класс. среди. учебн. завед. *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Новый годъ“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 20 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Царевна Земляничка“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 30 к.

Францъ Анатоль. „Пчелка“. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к.

ОДОВЕРЕНО для ученич. библи. младш. возраста среди. учебн. заведеній и для ученич. библи. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библи. низшихъ учебн. завед.

Шапиръ Л. Н. „Люди и звѣри“. Разсказы. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Шедеръ Е. І. „Пушинские уголки“. Съ рисунками автора. Цѣна 20 коп.

ОДОВЕРЕНО для ученич. библи. младш. класс. среди. уч. зав. *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Новыя изданія „Тропинки“.

Манасеина Н. И. „Церботская принцесса“. Повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины II. Съ иллюстраціями Т. Гипшусъ, портретами и снимками со стар. гравюръ. Цѣна въ переплетѣ 2 р. 50 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ включенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученич. библи. среди. учебн. заведеній.

Оду, Маргарита. „Папушина“ Переводъ съ французскаго. Со снимками съ карт. и рисунковъ Милле. Цѣна 30 к.

Соловьева П. С. „Дѣдушино кольцо“. Пьеса въ стихахъ съ рисунк. автора. Цѣна 25 к.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ, если книгъ выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ.

7-й годъ
изданія.
12 книжекъ
въ годъ.

„ТРОПИНКА“

3 рубля съ
доставкой
въ годъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА.

Выходить 1—5 каждаго мѣсяца въ 4—6 печатныхъ листовъ (60 печ. лист. въ годъ).

Въ 1912 году научный отдѣлъ „ТРОПИНКИ“ будетъ значительно расширенъ.

Въ этомъ отдѣлѣ примутъ участіе: проф. Э. Ф. Зѣлинскій, проф. М. И. Ростовцевъ (исторія), проф. А. П. Павловъ (геологія), А. П. Лондизъ (астрономія), С. П. Лебедевъ, Л. Н. Никоновъ (ботаника), Л. Н. Салтыковъ (физика и химія), А. В. Мезіеръ (географія), Н. М. Герсевичевъ, Н. Н. Ермолинъ, И. В. Селиверстовъ (современныя изобрѣтенія и сооруженія), Э. К. Пименова, Е. И. Львовъ (зоологія).

Для беллетристическаго отдѣла редакціей пріобрѣтены слѣдующіе повѣсти, разказы и сказки:

А. Вережникова—«Переселенческой мальчикъ», И. Гинцбургъ—«Моя обезьянка Мареша», З. Гиптусъ—«Утро», В. Карачаровой—«Край свѣта», Н. Манасеиной—«Царевны» (изъ времени царя Алексѣя Михайловича), М. Моравской (Рикитки)—«Одуванчикъ и змѣиная шкурка» и «Егорка», Ев. Соловьевой—«Сынъ разбойника» (разказъ изъ кавказской жизни), П. Соловьевой (Allegro)—«Горы и пыль» и «Непутевый» (изъ народныхъ сказаній), М. Толмачевой—«Өединька», О. Форшъ—«Духовикъ», Е. Шведеръ—«Мусью», Е. Юнгъ—«Изъ моего дѣтства» и мн. др.

Въ каждомъ № журнала будутъ помѣщаться:

1) Составленныя А. П. Лондизъ карты неба, какъ руководство для самостоятельныхъ наблюдений. 2) Историческій календарь съ указаніемъ важнѣйшихъ событій русской исторіи. 3) Игры и занятія (рисованіе, лѣпка, указанія, какъ дѣлать самимъ игрушки и проч.).

Пробный № въ редакціи стоитъ 25 к., съ перес. 35 к., наложеннымъ платежомъ не высылается.

Въ редакціи имѣются комплекты 1908, 1910 и 1911 гг.—комплекты 1906, 1907 и 1909 гг. всѣ разошлись.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ:

Просимъ прочесть непременно.

Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже срока полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворяетъ не можетъ.

Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса а петербургскій уплачивается 20 к., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній, иногородняго на петербургскій или иногородняго на иногородній уплачивается 40 к. До полученія денегъ контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спб., Вознесенскій пр., № 36, кв. 26.

Телефонъ № 497-55.

Редакт.-Издат. П. СОЛОВЬЕВА и Н. МАНАСЕИНА.

Въ Москвѣ книги изданія „Тропинка“ продаются и подписка на журналъ „Тропинка“ принимается въ слѣдующихъ магазинахъ: „Наука“, Б. Никитская, 10. Въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи. „Ступени Знанія“, Мясницкая, 5, флиг. 6. Филемонова, Б. Никитская, 22.